

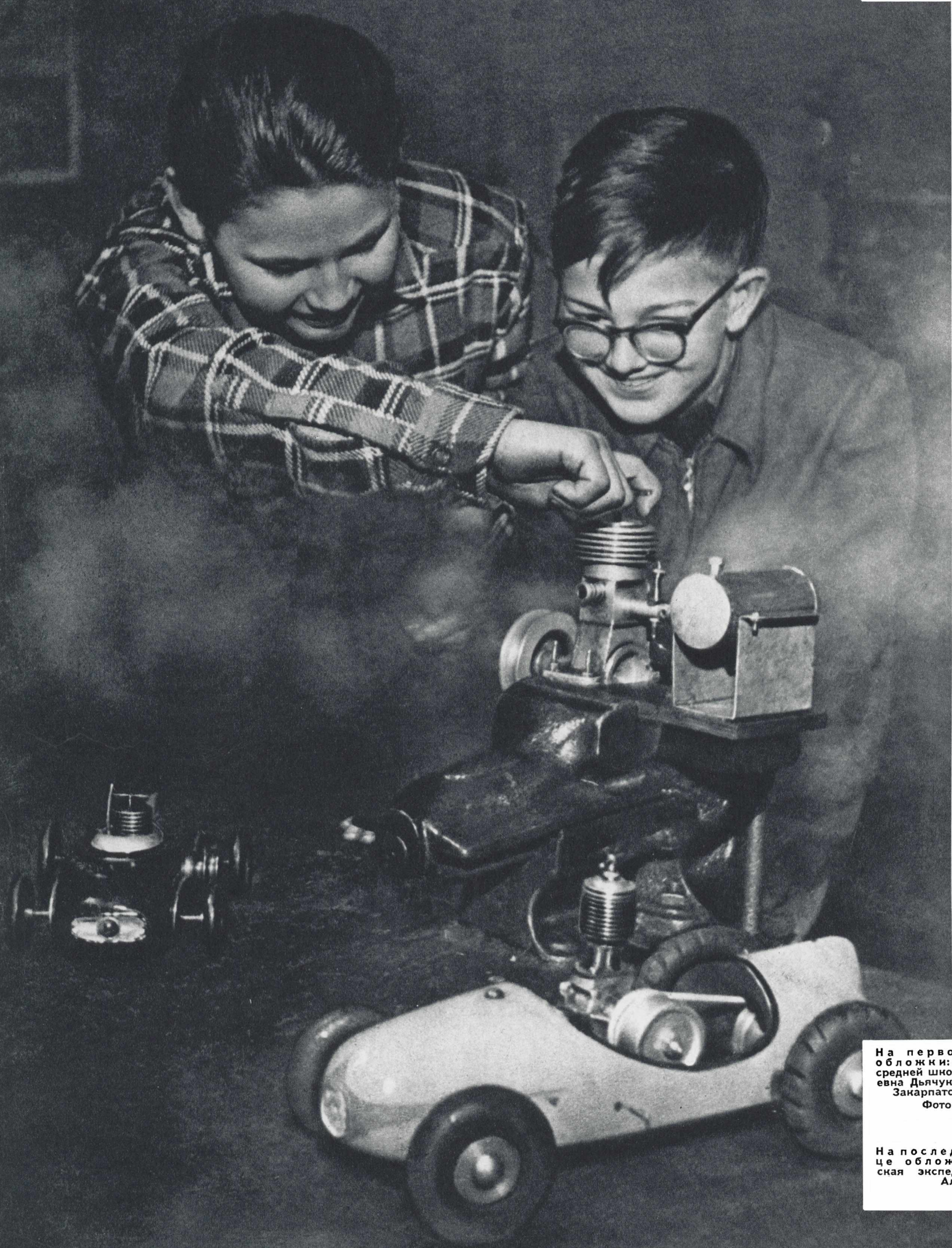
ОГОНЁК

№ 43 ОКТЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Шестиклассники Айвар Дегис и Агис Везитис в автомобильной лаборатории Рижской станции юных техников.
Фото Е. Ясенова.

На первой странице обложки: Учительница средней школы Анна Васильевна Дьячук (поселок Ясиня, Закарпатской области).
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Геологическая экспедиция в горах Ала-Тау.
Фото А. Узляна.

Навстречу всенародному празднику

Славными трудовыми победами знаменуют советские люди всенародный праздник — 42-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

На предпраздничную вахту встали соревнующиеся бригады первого и второго конвейеров формовочного цеха Московского домостроительного комбината № 1. Бригада В. Я. Комарова обязалась к 42-й годовщине Октября сдать сверх плана 500 кубометров железобетонных изделий, а бригада А. П. Саутова, осваивающая новый конвейер, — 300 кубометров.

На снимке: бригады В. Я. Комаров (слева) и А. П. Саутов.

Фото О. Кнорринга.

На шахте «Кункузе» (Эстонская ССР) проходческая бригада коммунистического труда, руководимая депутатом Верховного Совета СССР А. Таалбергом, прошла в этом году более одного километра подземных галерей. За каждые сутки горняки проходят на 1,25 погонного метра больше, чем установлено по нормам.

На снимке (слева направо): члены бригады коммунистического труда — Х. Лулла, бригадир А. Таалберг, Р. Алла и Ю. Бекета.

Хорошие подарки к празднику подготовили сталинградские строители жителям города-героя. На проспекте имени Ленина и на Аллее Героев в канун Октябрьской годовщины будет заселено более 300 квартир. На снимке: новые жилые дома на проспекте имени Ленина.

Фото В. Горбунова,
С. Курунина, И. Эдигарашвили.

(Фотохроника ТАСС).

Стальная магистраль газопровода Карадаг—Актафа—Тбилиси подошла к столице Грузии. К Октябрьской годовщине тбилисцы получат карадагский газ. На снимке: изоляция трубопровода.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ д-р АДОЛЬФ ШЕРФ совершил поездку по Советскому Союзу. 13 октября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял в Кремле д-ра А. Шерфа.
Фото А. Гостева.

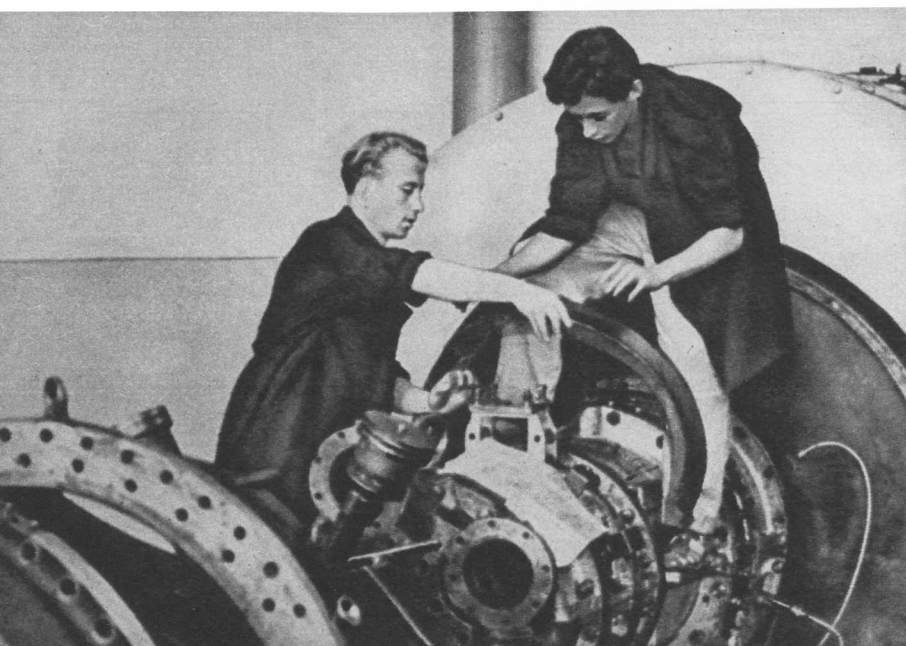

ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, присутствовавшая на праздновании 10-й годовщины Германской Демократической Республики, посетила машиностроительный завод имени Э. Тельмана в Магдебурге.
На снимке: глава советской делегации Ф. Р. Козлов и сопровождающие его лица беседуют с рабочими завода.

Фото спец. корреспондента ТАСС В. Соболева.

СОВЕТ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЗДАН на Коломенском тепловозостроительном заводе имени Куйбышева.
На снимке: инженеры отдела главного конструктора А. Мусихин (слева) и Б. Кошечев. Они взяли обязательство усовершенствовать конструкцию компрессора. После внедрения нескольких предложений молодых специалистов коэффициент полезного действия компрессора значительно повысился.

Фото В. Шандрин.

ПАМЯТНИК КОСТА ХЕТАУРОВУ в связи со столетием со дня рождения воздвигнут в Сталинири. Памятник создан талантливым осетинским скульптором Иналом Умаровичем Дзантиевым.

Фото М. Комашко.

ИНИЦИАТОРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ЖИВОТНОВОДОВ-ТРУЖЕНИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ. В канун XXI съезда КПСС рязанские животноводы дали слово увеличить производство мяса в 3,8 раза и сдать государству не менее 150 тысяч тонн — в три раза больше, чем в прошлом году. О своей трудовой победе с гордостью рапортовали работники сельского хозяйства Рязанской области Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР товарищу Н. С. Хрущеву.

На снимке: пионеры поздравляют дважды Героя Социалистического Труда доярку колхоза «Фундамент социализма» Прасковью Николаевну Новрову.

Фото М. Савина.

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ БРИГАДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА присвоено на заводе «Амурсталь» бригаде сталеваров, которой руководит М. И. Положеев. Пятнадцатилетним юношей после окончания ремесленного училища в Комсомольске-на-Амуре пришел работать на завод Михаил Положеев. С тех пор прошло семнадцать лет. Сейчас знатный сталевар — кандидат в члены Хабаровского крайкома КПСС, депутат городского Совета.

Фото Д. Ухтомского.

НОВАЯ МИКРОЛИТРАЖНАЯ МАШИНА запорожского завода «Коммунар» проходит испытание на проселочных дорогах. Автомобиль «Запорожец» сделан так, что он легко преодолевает плохие участки дороги.

Фото Л. Линдгольма.

Н. С. Хрущев в самолете.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ

На быстроходном судне Н. С. Хрущев совершил прогулку по бухте Золотой Рог во Владивостоке.

С 4 по 10 октября Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев, возвращаясь из Китайской Народной Республики, посетил города Дальнего Востока и Сибири. Никита Сергеевич побывал во Владивостоке, Иркутске, Братске, Красноярске, Новосибирске, встречался с рабочими, учеными, моряками, многими советскими людьми, украшающими своим трудом обширные просторы Дальнего Востока и Сибири.

Эти встречи еще раз показали, что весь советский народ тесно сплочен вокруг родной партии, полон решимости выполнить величественные задачи семилетки, еще настойчивее отстаивать дело мира.

Фото специального корреспондента
«Огонька» Я. РЮМКИНА
и Л. ЛИТОВЧЕНКО.

На митинге трудящихся Красноярска.

Н. С. Хрущев на строительстве Братской гидроэлектростанции.

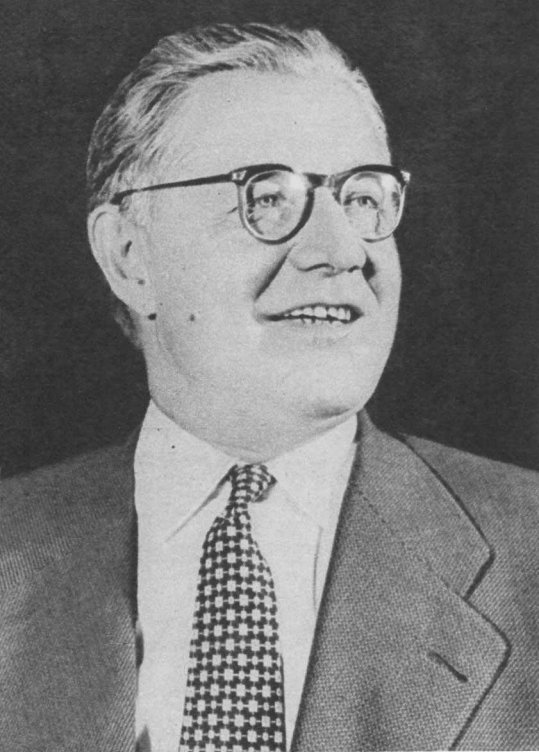
Посещение научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР — Академического городка под Новосибирском.

Строителям Академического городка шоферу В. А. Свиридову и электромонтажнику Ю. И. Шевченко, стоящим в центре группы фотокорреспондентов и кинооператоров, очень хочется сфотографировать Н. С. Хрущева.

Возвращение в Москву Н. С. Хрущева. Встреча на Внуковском аэродроме.

СОЛДАТ И ПОЭТ

Алексей Суркову шестьдесят лет.

Всегда молодой, полный кипучей энергии, яростный оратор и поэт, чьи стихи дышат темпераментной юностью, — образ его никак не вяжется с тем представлением, какое обычно возникает рядом со словами «60 лет».

Во время финской войны довелось мне испотпать немало снежных троп с Алексеем Сурковым, и эти суровые январские и февральские дни сорокового года навсегда остались в памяти. Алексей Сурков был прежде всего отличный солдат, с которым радостно было делить трудности похода. За плечами у него была гражданская война, оставившая в нем добрую солдатскую сноровку, душевную открытость, теплую привязанность к друзьям и товарищам.

Война питала его лиру, и лира эта звучала всегда честно и правдиво — труд, тяжелый солдатский труд, из чего, собственно, и состоит война, воспевался им в стихах

простых и звучных. Писал он тогда чуть ли не каждый день. Он ведь был не только поэт, но и журналист, сотрудник армейской газеты, а редактор наш был не из тех, которые давали спать своим сотрудникам.

Алексей Сурков являлся невольным средоточием творческого коллектива в армейской газете, все льнуло к нему, старому коммунисту и славному товарищу, у него решались возникавшие споры, рядом с ним всегда было тепло, весело и бодро.

В Отечественную войну Алексей Сурков всегда был виден нам, где бы он ни находился; его стихи перепечатывались едва ли не во всех фронтовых и армейских газетах: умел он находить ключ к солдатскому сердцу. Думается, что если бы он написал на своем веку только «Землянку», «Песню о слепом баянисте», «Человек склонился над водой...», то и с этим вошел бы он навсегда в антологию русской поэзии.

А ведь написано много. И перо его отнюдь не оскудело. Творческая дорога его лежит впереди, ясная и светлая.

В послевоенное время поэт Алексей Сурков стал крупным общественным деятелем. Ему не раз приходилось путешествовать по разным странам, представлять за рубежом Советский Союз.

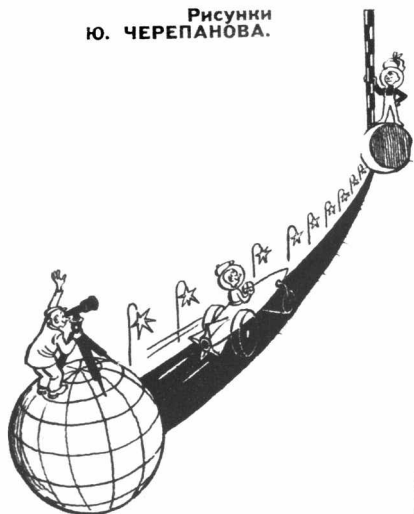
Строфой из его же стихотворения «Гражданину мира» можно охарактеризовать Алексея Суркова, его деятельную натуру:

Где б ни ходили мы по белу свету,
Зов Родины звенит у нас в крови.
Мы любим жизнь и любим землю эту,
И не стыдимся мы своей любви.

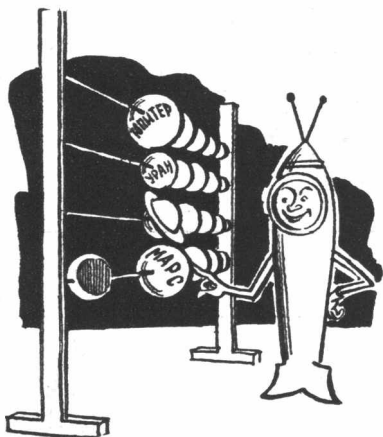
За какое бы дело ни брался Алексей Сурков, всегда он оставался самим собой: коммунист, чистая душа, горячий человек.

Ник. КРУЖКОВ

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

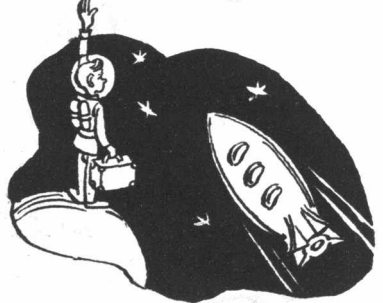

На космических дорогах.

Космический счет.

— Подвези!

ДИАЛЕКТИКА

Ракеты

Ю. КРЫЛОВ,
кандидат технических наук

...Подробное описание ее заняло бы многие тома. Ведь конструкция современной космической ракеты представляет собой квинт-эссенцию передовых достижений всех областей науки и техники. История поисков рациональных технических решений, поисков выхода из, казалось бы, неразрешимых противоречий, поставленных самой природой, читалась бы как увлекательный роман. Достаточно остановиться хотя бы на некоторых узловых проблемах, чтобы понять, что преодоление этих трудностей было возможно лишь при целеустремленном планомерном творческом труде крупных научно-технических коллективов, при неустанной поддержке государства и всего народа.

Известно, что для достижения наибольшей экономичности ракета должна использовать высококалорийное топливо. В отличие от других тепловых двигателей — поршневых, турбореактивных, турбовинтовых и т. п. — ракетный двигатель работает в чрезвычайно разреженных слоях атмосферы, где количество обычного окислителя — кислорода, необходимого для процесса горения, — ничтожно. При выборе топлива необходимо было учитывать не только теплотворную способность, но и удельный вес его, а также много других факторов: коррозионное действие, сырьевую базу, ядовитость и т. д. — влияющих на работу и обслуживание двигателя и ракеты в целом.

Другим примером инженерного противоречия является проблема охлаждения ракетного двигателя. В ракетном двигателе выделяется огромное количество тепла: в сотни раз больше, чем

в других тепловых двигателях, и в тысячи раз больше, чем в паровых котлах. При этом сгорание происходит при очень высоких температурах и давлениях, так что и материалам и конструкции двигателя предъявляются исключительно жесткие требования. Если, например, сделать стенки камеры сгорания достаточно толстыми, то они будут прочны, но как бы ни охлаждать их снаружи, внутри они оплавятся. Если же сделать их тонкими, то их удержит высокое давление.

Потребовалась упорная работа ученых и инженеров — физиков, теплотехников, металлургов, — чтобы найти решение этой диалектической задачи.

Не меньшие трудности встают перед инженерами и при конструировании самой ракеты. Основную долю ее стартового веса составляет топливо, размещающееся в огромных баках. Значительно меньшая доля от общего веса остается на саму оболочку ракеты, двигатель, аппаратуру. Конструкция стенок ракеты должна быть исключительно легкой и в то же время прочной и жесткой, чтобы не разрушиться и не деформироваться под действием перегрузок, возникающих при работе двигателя, и сил аэродинамического сопротивления. Немалую роль при решении этой задачи сыграли исследования советских ученых по прочности оболочек различного вида. Они позволили выбрать наиболее рациональную конструкцию, рассчитать ее, подобрать необходимые легкие и прочные материалы.

При прохождении ракеты

через плотные слои атмосферы она сильно разогревается. В авиации давно известно понятие «тепловой барьер», сводящееся к резкому нагреву носовой части летательного аппарата при больших, сверхзвуковых скоростях полета. При взлете ракеты это явление сказывается слабее, так как максимальную скорость ракета набирает уже в разреженных слоях атмосферы, где влияние аэродинамического нагрева невелико. Однако при обратном возвращении ракеты или контейнера с аппаратурой в плотные слои атмосферы с огромными скоростями разогрев настолько велик, что они разрушаются и сгорают, как метеоры. Поэтому благополучное приземление последней ступени космической ракеты возможно лишь, если обеспечить надежную защиту конструкции от теплового воздействия. Это требует сложных и тщательных расчетов и исследований по подбору материалов и конструкции.

Наконец, на многоступенчатой ракете должна быть обеспечена исключительно четкая работа всех ступеней, с тем чтобы их показатели при работе, и прежде всего тяга двигателя, отклонялись от расчетных лишь в узких пределах назначенных допусков. Должны быть исключены четкие выдержанные моменты запуска двигателя, включения ступеней, то есть вся программа полета, а при отклонении параметров работы от расчетных должно обеспечиваться автоматическое регулирование. Только слаженная работа всей аппаратуры управления позволит обеспечить достижение и точное выдерживание скорости полета,

необходимой для выполнения заданной программы. Следует отметить, что при различных задачах, которые ставятся перед космическими ракетами, например, достижение Луны, облет Луны, достижение орбиты Марса и т. п., скорости в момент выключения последней ступени должны быть различными, но близкими по величине ко второй космической скорости. Разница в несколько десятков метров существенно изменяет дальнейшую траекторию полета.

Для того, чтобы запуск ракеты с научной аппаратурой не оказался бесцельным, должна обеспечиваться бесперебойная сверхдальняя радиосвязь (прием научной информации). При запуске «Лунника III» связь поддерживается на расстоянии до полумиллиона километров. Полеты в районы других планет требуют осуществления радиосвязи на дистанциях в сотни раз больших. Это также является одной из весьма важных и сложных проблем, подлежащих разрешению.

Задача, поставленная перед третьей космической ракетой — облет Луны с последующим возвращением в район Земли, — была одной из наиболее сложных на данном этапе изучения Вселенной.

Быстрое выполнение программы исследования космического пространства и подготовки к межпланетным полетам в СССР за последние два года дает уверенность, что эта программа и в будущем будет осуществляться так же успешно. Советские ракеты и впрямь будут являться могучим инструментом научных исследований, служить делу мира.

Где пасутся олени...

Н. МУРАВИНА

Первый секретарь Тоджинского райкома Михаил Клаевич Мендүмз сказал мне:

— Если хотите узнать Тоджу, понять национальный характер тувинца и те перемены, которые произошли у нас, поезжайте к оленеводам, на самое далекое стойбище. Не скрою, туда трудно добраться. Надо верхом на коне проехать около трехсот километров по горной тайге, перейти вброд десятки рек и болот, переправляться на салике... Там, в Серлиг-Тайге, еще никогда не бывали корреспонденты, даже из областной газеты... А давно бы пора.

Мне разыскали попутчиков: Ака Эзербиля, помощника ветеринара из колхоза «Советская Тува», Балбыра и Хойлека, пастухов-оленеводов, после короткой побытки возвращавшихся из дому на пастбище. Райисполком снабдил меня козьей дохой и сапогами, а колхоз — непромокаемым плащом и седлом. Главное же — председатель колхоза Василий Сампаевич Тамдын-Оол не пожалел хорошего коня. Конь был игреневой масти, с выгоревшей на солнце челкой, с белой звездочкой между глазами и белыми метинками на ногах. Как все тувинские лошади, он мал ростом, но зато крепок и вынослив.

— Добрая лошадь, — хвалит его Эзербиль. — Далекий путь, трудный путь! Плохой конь не довезет! Русак и то ноги о камни обломает! Только такая маленькая лошадка и дойдет до конца!

За поселком раскинулась зеленая степь. Кони то и дело нагибают головы, чтобы сорвать и на ходу пожевать лакомый пахучий лист или головку душистого цветка.

...На берегу Азаса тишина, нарушаемая только тонким гуде-

нием комаров, всплесками рыбы да карканьем кедровок.

Сонное царство!

Обычно впереди всех едет старик Соколоп Хойлек. Он сидит в седле, как молодой. Голос и движения его проникнуты сознанием собственного достоинства и гордостью удачливого охотника. Глядя, как он по каким-то неведомым мне приметам отыскивает путь среди деревьев и заросших диким луком болот, где нет не только дороги, но и тропы, я думала, что Соколоп уже сотни раз бывал в этих местах. Но оказалось, что прежде старик ездил в Серлиг-Тайгу совсем другим путем, а здесь — лишь второй раз в жизни. И ни разу он не ошибся, не сбился с пути!..

Второй пастух — Балбыр — коммунист, депутат сельского Совета. Это спокойный, добродушный человек лет пятидесяти. Ак Эзербиль — самый молодой из моих спутников — смешлив, разговорчив и любознателен. Он расспрашивает меня, сколько жителей в Москве, на сколько километров она тянется, какая плотность населения в Китае. По-русски он говорит почти так же свободно, как на родном языке.

На закате мы расседываем коней, и они валяются в траву, задрав ноги, катаются на спине. Мы привязываем их длинными веревками к деревьям и разводим костер. А потом пьем соленый чай и ведем у костра длинные разговоры.

...Утром на пятые сутки, когда мы вброд переходим через каменистый прозрачно-голубой Енисей, начинается неукротимый ливень. Сверху на нас низвергаются дождевые потоки. Снизу захлестывают волны. Хлеб и одежда промокают насквозь.

Конь с трудом борется с быстрым течением. Когда он сту-

пает на берег, я с благодарностью глажу его по шее и терблЮ мокрую жесткую гриву.

Но земля неожиданно расступается под его копытами. Конь прыгает, боясь увязнуть в болоте, и сбрасывает меня. Путаюсь в длинном плаще, я ползком перебираюсь с кочки на кочку.

За болотом — длинный, почти отвесный подъем в гору. Горячие, воспаленные глаза коня наливаются кровью.

Когда после трудного дня мы расседываем коней, все они, даже толстый мерин Балбыра, выглядят замученными. Бока у них запали, над глазами появились глубокие ямки, шеи вытянулись, как у ослов, уши оттопырились.

Старый Соколоп ворчит. Может быть, ему жаль своего коня или он досадует, что наши припасы кончились и мы едим тюрю из воды и хлеба? Или он сердится на то, что ливень не унимается? Но, оказывается, Соколоп недоволен тем, что за всю дорогу мы не встретили ни одного большого зверя, кроме марала, которого запрещается убивать без лицензии. Соколоп вспоминает, как две недели назад, когда он один возвращался в колхоз, он убил по дороге двух медведей. Это была удачная поездка!..

Утром пейзаж изменяется. Кончается тайга. Теперь вокруг нас простирается широкое, гладкое, будто отполированное волнами, безлесное плоскогорье, поросшее кустами, ягелем и синими нежными болотными цветами.

К полудню мы достигаем перевала. Синие горы, весь путь издали манившие нас вверх, внезапно оказываются внизу, под нами, — справа, спереди, сзади. Мы высоко-высоко, словно в самом центре вселенной. Но и над нами небо такое же высокое, как и прежде, и через далекое густое

На дне долины нагромождены друг на друга огромные камни.
Фото Е. Журавлева.

белое облако проглядывает неяркое солнце.

За перевалом два горных озера. — Вот Ледяное озеро! — показывая на одно из них, говорит Эзербиль.

— Теперь уже близко!

— Ать! Ать! — радостно кричит Балбыр.

Что-то неразличимое, непонятное быстро несется нам навстречу. За кустами, уже недалеко, я замечаю большекрылых, темных, низко летящих птиц. Меня осеняет догадка: это же не птицы, а рога бегущих по тропе за кустами оленей!

Вот они, их уже целое стадо! Маленькие, легкие, белоснежные и бурые, серые и коричневые, с белыми, задранными вверх короткими хвостиками и большими, широкими, ветвистыми рогами, покрытыми темной бархатистой шерстью. Они любопытны и робки и то приближаются к нам, то отбегают прочь. Кони испуганно шарахаются от них.

— Это самки, — объясняет Балбыр. — Вечерами они вместе с детенышами убегают в горы и всю ночь лежат на полянах или ищут лишайники и грибы. А утром пастухи пригоняют их на пастбище и привязывают к колышкам. Бывает, что они возвращаются и сами. К нам в стадо пришли четыре диких оленя. Пастухи давали им соль, и они привыкли к людям.

Олень никогда не сердится, — продолжает Балбыр (видимо, он может говорить об оленях часами). — Он знает голос хозяина, который дает ему соль. А пастух понимает голос оленя. Когда маленький олень хочет есть, он кричит: «Ава! Ава!»

Совсем как ребенок! Ведь

по-тувински «ава» — это «мама». И когда самец тоскует по самке, он тоже кричит: «Ава! «Ава!» А самка отвечает ему: «Эге-эге-эге!»

Впереди на дне зеленой долины я вижу множество деревянных колышков. Рядом, у ручья, семь просторных палаток с черными дымовыми трубами и волейбольная площадка. Можно подумать, что мы приехали на один из аржанов — импровизированных курортов, вырастающих в Туве возле горячих источников.

В Тора-Хеме и в поселке колхоза «Советская Тува» на задворках хороших деревянных домов, выстроенных по всем правилам плотничного искусства, я не раз видел чумы — незатейливые сооружения из кольев, покрытых толстой корой лиственниц. Однажды я, согнувшись, заглянула в низкий дверной вырез чумы и увидел ярко горевший костер, старика, гревшегося у огня, и собаку, спавшую на войлочной подстилке. Мне показалось, что я заглянула в далекую древность. Но теперь, в трехстах километрах от жилья, я не надеялась увидеть ничего, кроме чумов, которые тоджинские старики по привычке ставят себе летом даже рядом с хорошими домами. И вот чистенький палаточный лагерь, волейбольная площадка.

Если шесть часов ехать на олене от стойбища Ледяное озеро на восток, то приедешь на стойбище Чергалы-Ой (Стрекозый ручей). Здесь работает вторая бригада оленеводов колхоза «Советская Тува». В этой бригаде у колышков стоят на привязи не оленихи, а самцы с огромными, в двадцать отростков, рогами и чары — кастрированные рабочие олени. На чары осенью и зимой ездят в тайгу охотники. На них навьючивают провизию и шкуры убитых зверей. Их пасут и объезжают самые опытные пастухи: старый Соколов Хойлек, Бараан Чорга и Бараан Парелл.

В палатке Ака Эзербилля, совмещающего обязанности помощника ветеринара с обязанностями радиста, оборудована рация.

Как только мы приехали на Чергалы-Ой, в палатку вслед за нами вошел худой, высокий, узкоглазый старик. Правая рука его висела на перевязи.

— Что же ты так долго не возвращался? — упрекнул он Эзербилля. — Целых две недели рация молчала!

Эзербиль засмеялся и, обращаясь ко мне, сказал:

— Это охотник Усунол Танден. Если бы не рация, старика не было бы в живых уже два года назад. Поэтому он любит ее и скучает, когда она молчит.

Старик опустил на медвежью шкуру, вытянул ноги и равнодушно, словно не находя в своем рассказе ничего интересного, поведал мне:

— Это случилось в то утро, когда я взял с собой на охоту семилетнего Саглы, с отцом которого я жил в одной палатке и вместе пас оленей на стойбище Пош-Тайга. Саглы кончил первый класс, и отец взял его летом на пастбище.

В то лето у меня ослабели от старости глаза, и я пожаловался на это другу.

«Возьми с собой на охоту Саглы. У него хорошее зрение», — ответил он.

На рассвете я привел к палатке оленей, оседлал их и разбудил Саглы. В то утро я не думал о большой охоте. Я только хотел раздобыть козлиное мясо, по которому соскучился.

В горах было туманно и пустынно. Я не надеялся на мои слабые глаза и попросил Саглы: «Посмотри! Не увидишь ли ты чего-нибудь?»

Саглы повертел головой и уставился вниз, в лощину.

«Что ты видишь?» — нетерпеливо спросил я его.

Он показал мне на далеком круглом буреом пятно, двигавшееся в густых зарослях жгучей, горькой травы палтырхан.

«У тебя действительно хорошее зрение», — похвалил я мальчика. — В ста метрах от нас медведь. Стой у камня и старайся не двигаться, пока я не убью его».

У меня была за плечом маленькая дозовка. С таким ружьем не ходят на медведя. Но я старый охотник. Я убил на своем веку почти сто медведей. И даже из этого мелкокалиберного ружья я застрелил двух больших медведей. Я попал в первого выстрела в легкое, и, когда они, корчась от боли, падали на траву, я стрелял снова и добивал их. И в этот раз я тоже пошел на встречу зверю. Он стоял ко мне спиной и не видел меня. Когда между нами осталось семьдесят метров, я выстрелил.

Я ждал, что и этот медведь упадет на землю, как те два. Но он обернулся и побегал мне навстречу. Он бежал быстрее, чем собака, и быстрее, чем олень. Мои старые глаза разглядели седую в его бурой шерсти и мокрое кровавое пятно на боку. Это был большой медведь, такой же старый, как я. Он считал себя сильным и не боялся меня. Я причинил ему боль, и он спешил отомстить мне.

Я выстрелил в него снова и промахнулся. Тогда я зарядил ружье в третий раз. Но он уже тянул ко мне лапы и дышал на меня. Я вынул заряд и ударил зверя по голове прикладом. Ложка треснула и раскололась на части. Медведь навалился на меня всем туловищем, обхватил обеими лапами и впился зубами в мою правую руку. Потом приподнял меня, как мяч, и отбросил от себя. Я упал. Он прыгнул ко мне, нагнулся надо мной и, снова обняв своими когтистыми лапами, заглянул мне в лицо.

Я вспомнил, что у меня на поясе нож. Во мне проснулась надежда. Я хотел ударить его в сердце. Но моя правая рука не двигалась. Тогда я понял, что мне осталось либо умереть, либо обмануть зверя. Я закрыл глаза и притворился мертвым. Клыки медведя впились мне в спину. Но я не пошевелился и не выронил ни звука. Зверь оттолкнул меня и побрел прочь. Наверно, он был сыт или я показался ему стар и невкусен. Когда он скрылся в горах, я добрался до скалы, подле которой оставил мальчика и оленей.

Саглы увидел мою окровавленную голову и вывернутую руку и заплакал от страха. Я хотел сесть на оленя, но ноги не слушались меня. Саглы подвел моего оленя к высокому камню, и только с камня, как ребенок, я сел в седло. Всю дорогу я, вцепившись левой рукой в седло, лежал на спи-

не оленя, и оленю казалось, что он везет вьюк. Он ударял меня о деревья, и ветки царапали мою изодранную спину. И Саглы все время плакал навзрыд.

Когда я увидел наше стойбище, я потерял сознание.

Когда очнулся, я увидел белый потолок и почувствовал, что моя правая рука облеплена чем-то жестким и обвязана бинтами, — продолжал Усунол. — Где я? В Пош-Тайге. Но тогда почему я лежу не на шкурах, а на кровати, не в палатке, а в комнате? Я решил, что мне снится сон, и закрыл глаза.

Когда я проснулся опять, возле моей кровати сидел незнакомый мне молодой тувинец в форме летчика.

«Я Неанзак», — сказал он. — Я доставил вас из Пош-Тайги в Кызыл».

«В Пош-Тайге нет посадочной площадки. Там не опускаются самолеты», — возразил я.

«Вы смелый человек, Усунол. Вы пошли с дозовкой на медведя. Почему же вы не хотите поверить, что другой смелый тувинец посадил самолет в горах?» — засмеялся Неанзак и наказал мне поскорей поправляться.

Потом я узнал, что Неанзак сказал правду. В Пош-Тайге я долго не приходил в себя. Радист дал знать об этом председателю колхоза. Председатель позвонил в обком партии. Неанзак вызвался лететь мне на помощь и посадил самолет в горах. Мне спасли жизнь. Но это еще не конец моей борьбы с седым медведем.

— А какой же конец?

— На следующее лето я приобрел карабин и приспособился охотиться с одной лишь левой рукой. Однажды я уговорил моего друга Сата Самойла и еще нескольких охотников пойти со мной в лощину, где я впервые увидел медведя, сломавшего мою правую руку.

В лощине мы убили трех медведей. Самым старым из них был большой бурый медведь с седой шерстью. В боку у него, возле легкого, я нашел пулю из мелкокалиберной винтовки. Это был мой враг! Я вынул из его груди сердце, сварил и съел его, — торжественно сказал Усунол. — После этого гордость моя успокоилась, потому что старому охотнику обидно, когда его побеждает зверь. И теперь я уже меньше горюю, что у меня осталась одна рука. Осенью я принес с охоты двадцать девять соболей и двести пятьдесят белок!

Вечером накануне моего отъезда в стойбище Чергалы-Ой прискакал на коне незнакомый рослый молодой тувинец со смелым, открытым лицом. Мне сказали, что зовут его Санчо и работает он в геологической партии. Санчо должен был тут же вернуться назад, в лагерь. Чтобы не брать с собой второго, вьючного, оленя, я отдала Санчо плащ и доху и часом позже вместе с племянницей Балбыра Любой поехала на олене туда, где, по словам Санчо, расположился их отряд. Пока мы ехали, наступила ночь, и над горами взошла луна. Горы, облитые лунным сиянием, казались совсем черными, а небо — светло-голубым. Ехать пришлось гораздо дольше, чем мы предполагали. Всю дорогу Люба для бодрости громко распевала тувинские и русские песни, которых она знала великое множество.

Наконец мы увидели с горы маленькое озеро, в котором пла-

вала сверкающая луна, а на берегу — несколько полотняных палаток, точно таких же, как на стойбище.

Люба погнала оленя, на котором я ехала, назад. Санчо отправился проводить ее. Меня же геологи тотчас отвели в палатку, служившую кухней, и, не слушая моих возражений, угостили горячим обедом и обыкновенным, несоленым чаем, по которому я, признаться, соскучилась. Никто не спросил меня, кто я и зачем приехала, словно мы уже давно были добрыми, старыми друзьями. Молодая кареглазая женщина — топограф отряда Надя — повела меня в другую палатку, где нас ждали муж ее, начальник отряда Иван Иванович Грибов, геофизик Толя, недавно вернувшийся из армии, и молодой, разговорчивый, длинноволосый геолог Ваня, которого в отряде называли Ваню.

Иван Иванович заварил в чайнике маралий корень. Отпивая из кружек ароматный зеленый настой его, геологи стали рассказывать, как ранней весной они расчистили от снега площадку у озера и разбили лагерь, как шаг за шагом обследуют окрестные горы и утесы.

— Обыкновенная, будничная работа. Таких отрядов, как наш, в Туве очень много, — заметил Иван Иванович.

— Но лазить по горам приходится больше, чем альпинистам. Только без страховки и приспособлений, которыми они пользуются, — весело добавил Толя.

Надя вздохнула:

— В прошлом году при переправе через Тора-Хем погиб наш товарищ Володя.

Толя сердито нахмурился. А Ваню, словно оправдываясь за Володю, грустно объяснил:

— Володя был славный парень. Но при переправе нацепил на плечо два ружья и поставил ноги в стременах. Конь ударил его, и он не смог выплыть... Если бы не личачество, он бы спасся...

— И все-таки я не променяю нашу работу ни на какую другую, — убежденно сказал Толя.

Ваню радостно поддержал его:

— Тоджа — самый лучший край, какой я знаю! Его невозможно забыть. Кто раз попал сюда, тот вернется снова. Вот увидите! И вы вернетесь!

На утренней заре, когда кроваво-красными стали озеро и гладкое, безлесное плоскогорье, окружавшее лагерь, Толя, Ваню, Санчо и Надя ушли в маршрут. Иван Иванович поехал с рабочими промерять канавки.

Стоял тот час, который тоджинские охотники называют «часом утреннего движения зверей». В эту пору, когда на каждом кустике висит мокрый узор, только что вытканый крохотным паучком, когда с каждой минутой все ярче сверкают капли росы, а солнечный свет еще покоен и ласков и тени деревьев длинные, — в этот час охотники подкарауливают на звериных тропах выходящих на утреннюю добычу медведей и кабанов.

В этот же ранний час, задолго до полуденной жары, взбираются в горы соседи местных охотников и оленеводов — геологи, предвестники тех уже недалеких дней, когда безымянные горные озера Тоджи будут названы по имени и в безлюдных долинах вырастут не только палаточные лагеря, но и большие селения.

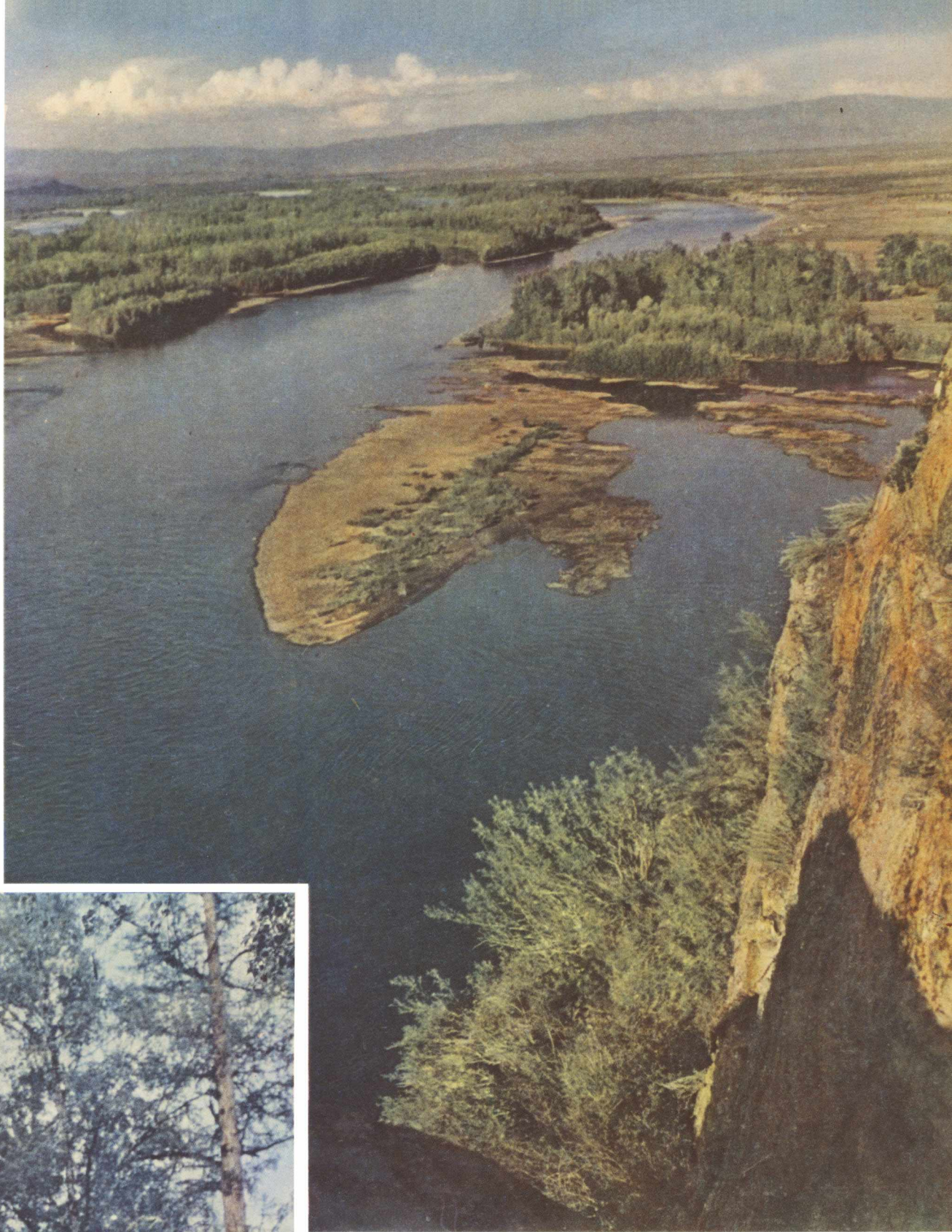
В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Георгий З Е Л Ъ М А

В самом центре Азии, там, где шумит верховье Енисея, раскинулась Тувинская автономная область. Далекий, красивый и своеобразный край, окруженный заснеженными хребтами Саянских гор. Край, который еще недавно был диким, отсталым, где народ угнетался богачами, беззастенчиво эксплуатировался царским правительством.

Так было. Грянул Великий Октябрь, прошли годы. Неузнаваемо изменилась жизнь маленького народа, расцвели экономика и культура. Тува стала одной из развитых сельскохозяйственных областей Российской Федерации. Здесь построены школы, больницы, техникумы, педагогический институт.

В этом фоторепортаже мы показываем сегодняшний день Тувинской автономной области.

Енисей.

Из далекого таежного селения едут в райцентр на учебу комсомольцы Малдыйбан Дунтуг-оол и Сугдер Содунам.

Новое селение Тоджинского района.

Хороши отары в колхозе «Красный пахарь», Дзун-Хемчикского района. Ученица 6-го класса Варя Ондар тоже помогает выращивать козлят.

Комсомолка Серен Маас — знатная охотница колхоза «Первое мая». Много белок и соболей добыла она в тайге.

И здесь, в далеком Кызыле, на стадионе вы можете увидеть футболистов.

← Недавно в Ленинграде отлично окончил музыкальное училище по классу композиции Кендербил Токур-оол. Сейчас он работает над первой тувинской оперой «Чечен и Велекма» и преподаёт в детской музыкальной школе. Мы застали его дома со своими дочерьми.

СТРАНА, СКАЗАВШАЯ „НЕТ!“

О. ОРЕСТОВ

постаменте стояла бронзовая фигура одного из французских губернаторов Гвинеи, колонизатора до мозга костей. Убран и другой памятник, в центре города. На его пьедестале водружена большая мемориальная доска с надписью: «Гвинейская Республика — всем мученикам колониализма».

Осень прошлого года — незабываемое время в жизни двух с половиной миллионов человек, составляющих мужественный народ Гвинеи. Народом французских колоний было предложено голосовать «за» или «против» новой конституции Французского сообщества. Принятие этой конституции означало, что страна останется полуколонией Франции. Голосование «против» сулило независимость. Французские колонизаторы, естественно, убеждали народы Африки сказать «да» и, как ни парадоксально, пугали их независимостью. Если вы проголосуете «нет», говорили они, вам «придется» стать независимыми и вы бу-

Конакри — столица Гвинейской Республики

дете жить «в изоляции, на свой собственный страх и риск».

Агенты французского империализма вели подрывную работу в колониях, чтобы обеспечить принятие конституции. Они использовали политическую отсталость населения, слабую организацию национальных сил, власть феодальных вождей и просто подкупы и угрозы. В ряде колоний им удалось обмануть население и вынудить его сказать «да».

Гвинея спутала карты колонизаторов. Вняв призыву Демократической партии Гвинеи и ее руководителя Секу Туре, народ сказал решительно «нет» колониальному гнету. Колонизаторов это привело в бешенство. Как только стали известны результаты референдума, французская миссия в Конак-

На свалке истории...

Губернаторы на свалке...

Есть в Конакри, столице Гвинейской Республики, тенистый зеленый сквер. Фасадом к нему повернулся большой дворец президента республики; над ним флаг Гвинеи — красно-желто-зеленый; у ворот солдаты в высоких черных кепи с золотыми узорами. Около дворца, в тени деревьев, школьники в форменных сиреневых платьицах играют в свои, африканские «классы», весело смеются, хлопают в ладоши.

Посреди сквера памятник, вернее, пьедестал от бывшего памятника. Кажется, что на нем только что возвышалась какая-то фигура, а ныне его увенчивает стеклянный фонарь, окрашенный в национальные гвинейские цвета: красный, желтый, зеленый. По вечерам эти цветные полосы ярко горят перед дворцом. На постаменте гордая надпись: «Площадь Республики».

Я сказал: «кажется». Но это действительно так: год назад на

У поезда Конакри — Канкан.

ри опубликовала наглое, издевательское коммюнике. В нем говорилось, что поскольку Гвинея отвергла конституцию, она «отныне отделилась от остальных территорий Французской Западной Африки» (слово «независимость» даже не упоминалось в коммюнике) и, таким образом, «более не сможет пользоваться помощью французской администрации или получать от Франции кредиты». Колонизаторы решили вызвать в Гвинею экономический хаос, подорвать ее административную систему и тем показать миру, что гвинейский народ «не способен» жить без французской опеки. Они заодно хотели оказать давление и на другие колонии: вот, дескать, что случится, если вы тоже потребуете независимости...

Люди, кичившиеся тем, что они несут цивилизацию в Африку, в бессильной злобе повели себя, как хулиганы. Они спешили увезти из Гвинеи все, даже то, что им и не принадлежало. В Гвинею в

Город Масента. Национальный танец «Человек-птица».

эти дни шел пароход с рисом. Власти, желая создать в стране продовольственный кризис, остановили пароход и направили его в другую страну.

Секу Туре призвал народ сохранять спокойствие, не поддаваться на провокации и взять управление страной в свои руки. «Лучше свобода и бедность, чем богатство и рабство!» — провозгласил он. Гвинея стала независимой республикой и преодолела все трудности.

...Я зашел в музей города Конакри. Им руководит прогрессивный французский ученый С. Каналь, добровольно оставшийся жить в независимой Гвинее, чтобы помочь молодому государству.

Мы вышли с ним во двор музея. Здесь, на задворках, стояли большие статуи и бюсты бывших губернаторов и были свалены разбитые щиты с гербами. Тупо глядели бронзовые колонизаторы на море, шумевшее у самых стен музея.

— А это что? — спросил я, увидев десяток больших ящиков, явно упакованных для отправки на пароход.

— Полюбуйтесь! — сказал С. Каналь, приоткрывая крышку одного из ящиков.

Он был беспорядочно набит ценнейшими экспонатами музея: скульптурными масками, предметами быта, образцами местных тканей, статуэтками. Уходя из Гвинеи, колонизаторы решили увезти все художественные ценности государственного музея. Однако гвинейские патриоты уже в порту остановили грабителей и вернули экспонаты в музей.

— Мы начали разбирать ящики, и скоро все станет на свое место, — сказал мне директор музея.

«Мужчины живут в Гвинее...»

Гвинея — единственная «французская» территория в Африке, провозгласившая независимость после референдума прошлого года. Это, конечно, не значит, что народы остальных африканских территорий не стремятся к свободе. В решении народа главную роль сыграла крепкая прогрессивная партия — Демократическая партия Гвинеи, которая в критический момент смогла повести за собой массы. Я беседовал с государственным министром по делам информации Алаассаном Диопом, который сказал по этому поводу:

— Отсутствие в соседних странах крепкой партии позволило колонизаторам оказывать давление на их население во время референдума. В Нигере прогрессивный лидер Бакари призывал народ сказать «нет», но не было организованной силы, которая поддержала бы его. В Сенегале народ встречал де Голля демонстрациями протеста против конституции. Обстановка была благоприятной для того, чтобы сказать «нет», но сепаратские лидеры не имели достаточного влияния на массы. Берег Слоновой Кости — страна, где

единственную партию возглавляет французский ставленник Уфуэ Буауни. Он убеждал народ голосовать за конституцию еще до того, как сам прочитал ее проект. Народ даже не знал, что это за конституция. Таким образом, Гвинея дала наглядный урок другим странам «французской» Африки. Она показала, какое значение имеет сплоченная массовая партия.

Мне рассказывали, что теперь, после референдума, если житель Сенегала, Нигера или Дагомеи говорит: — Я мужчина, — женщины насмешливо отвечают:

— Мужчины живут в Гвинее!

Это стало популярной поговоркой на всех языках «французской» Африки.

Завоевав независимость, гвинейский народ бережно хранит ее и отстаивает от всех провокаций неумирающих колонизаторов. В этом есть насущная необходимость. Еще совсем недавно некоторые распоясавшиеся парижские газеты требовали... вооруженного захвата Гвинеи.

Из окна моей комнаты в отеле видны небольшие плоские острова, до них всего несколько километров. Это острова Лос. Когда мы прогуливались по набережной с одним из гвинейских друзей, он сказал мне:

— Взгляните на эти острова. Имperialисты хотели превратить их в своеобразный «гвинейский Тайвань»...

На островах находятся заводы по обработке бокситов. Когда французским колонизаторам пришлось убираться из Гвинеи, в голове у наиболее ретивых колониальных зубров возникла бредовая мысль: почему бы не сохранить в руках Франции эти острова и таким образом держать постоянно под прицелом гвинейскую столицу Конакри? К счастью, этот провокационный замысел не осуществился. Однако известно, что французские колонизаторы поднимали вопрос о Гвинее на закрытых заседаниях НАТО, именуя молодую республику «скорпионом» в колониальной системе.

Бдительность — лозунг сегодняшней Гвинеи. Поэтому я не удивился, когда на дороге из Конакри в Форекарию нашу машину дважды останавливали полицейские патрули. Я ехал вместе со своим другом, корреспондентом агентства Синьхуа товарищем Ван Шу. Офицер тщательно проверял документы всех иностранцев, но, узнав, кто мы такие, дружески улыбнулся и тут же пропустил машину. В Конакри, когда мы шелкали на улицах затворами фотокамер, нас тоже задержали полицейские. Выяснив, что мы журналисты из дружественных стран, полиция выдала нам разрешение на съемки по всей территории республики.

Подрывная деятельность колонизаторов внутри Гвинеи и на ее границах представляет серьезную угрозу. В отчете Политбюро Демократической партии о поездке ряда партийных руководителей по стране говорилось:

«Добившись независимости и выступая за африканское единство, наша партия стала врагом № 1 колониальных держав, особенно Франции. Враги после безуспешных попыток расколоть наши ряды прибегли к новой форме борьбы, до сих пор неизвестной в Африке, — шпионажу. Гвинея сейчас покрыта сетью шпион-

ских организаций, финансируемых французскими колонизаторами, наводнена шпионами международного масштаба. Их цель ясна: сеять раздоры, организовывать покушения, инциденты и провоцировать конфликты между Гвинеей и соседними территориями, входящими во Французское сообщество. Наряду со шпионами существует армия распространителей ложных слухов, самых фантастических и невероятных, рассчитанных на то, чтобы нарушить моральное равновесие народа и сделать страну легкой добычей колонизаторов. Наши силы безопасности не должны быть больше единственно ответственными за спокойствие и порядок. Наемных шпионов легко будет обнаружить, если все активисты партии станут на службу безопасности родины...»

В городе Киндия

Дорога проходит по настоящему царству бананов. Справа и слева мелькают столбики, на них дощечки с надписями: «Банановая плантация», — дальше следует фамилия хозяина. Как правило, плантаторы — французы, сирийцы или ливанцы, которые активно занимаются бизнесом по всей Западной Африке. Лишь изредка встречается небольшая плантация, принадлежащая гвинейцу.

Бананы — одна из главных статей гвинейского экспорта. Кроме бананов, страна экспортирует железную руду, бокситы, ананасы, кофе, орехи масличной пальмы. Поскольку прежде основную часть урожая бананов скупала Франция, теперь перед страной стоит проблема поисков новых рынков. СССР и другие социалистические страны уже протянули руку помощи республике. Когда я был в Конакри, там в порту шла погрузка первого парохода, который должен был доставить бананы и ананасы в Ленинград.

Мы свернули наугад на одну из проселочных дорог, ведущих к плантациям. Это оказалось большое хозяйство, принадлежащее ливанскому плантатору. Он и его семья показали нам насаждения бананов, занимающих обширные площади. Хозяин достал из кармана бумагу.

— Это разнарядка на ближайшие месяцы. Правительство уведомляет каждого плантатора, к какому числу и в какой порт он должен доставить очередной груз бананов. Видите, через неделю я обязан отвезти пять тонн в порт Конакри для отправки в вашу страну.

Мы поблагодарили хозяина, но с сожалением подумали о том, что богатства страны пока еще почти целиком остаются в руках иностранных предпринимателей. Дорога шла дальше вдоль огромного поля, на котором видны остроконечные листья ананасов, сидящих в земле, словно капуста. Это была еще одна крупная плантация, ею владеет французская компания.

Мы въезжаем в Киндию, тихий зеленый город. Несколько зданий европейского типа, большая больница, школа, но основная масса домов — глинобитные хижинки. Повсюду чистота, улицы широкие, чувствуется рука заботливого хозяина. А вот и он сам. У дверей своей конторы нас приветливо встречает начальник округа Киндии Синкун Каба.

Еще в прошлом году в каждом

округе сидел французский комиссар, чувствовавший себя полновластным хозяином. Первой задачей республики было создание своей национальной администрации. Это было нелегко, ибо кадры администраторов не готовились. Все же гвинейцы сами управляют теперь каждым округом, городом и деревней.

Французская администрация опиралась на феодальных вождей, они были оплотом колонизаторов. Демократическая партия ликвидировала институт вождей, лишила их всех исключительных прав и привилегий. Эта реформа была восторженно встречена народом.

Синкун Каба — один из тех представителей гвинейской интеллигенции, которые охотно откликнулись на призыв партии и отправились работать в гвинейскую «глубинку». Его сын побывал на фестивале молодежи в Москве, и теперь отец тоже мечтает о поездке в СССР. Мы попросили Каба рассказать о том, как народ относится к новой администрации и новым реформам.

— Народ страдал под игом колонизаторов, поэтому он с энтузиазмом встретил весть о независимости. Много унижений пришлось испытать нашей родине. Французская администрация считалась непогрешимой, жаловаться на ее действия было запрещено. Я сам просидел несколько дней в тюрьме за то, что не снял шляпы перед французским флагом. Мы устали от бесчинств колонизаторов, от тяжелых налогов, которые власти собирали безжалостно, как военную дань. Понятно, что теперь население горячо поддерживает нашу партию.

— Расскажите, как действует новая администрация вашего округа.

— Мы работаем в тесном контакте с органами Демократической партии и профсоюзами. Во время выборов в местную администрацию народ единодушно голосует за кандидатов партии. Есть, конечно, и противники нового режима — это бывшие чиновники колониальной администрации, воспитанные французами. У нас появился даже новый термин: этих людей именуют «негативной интеллигенцией». Но, зная настроения народа, наши противники не решаются выдвигать своих кандидатов на выборах. В каждой деревне избирается совет, кое-где председателями этих советов являются женщины. Это — совершенно новое явление в Гвинее. Мы ведем большую пропагандистскую и просветительную работу в деревнях, особенно заботливо разъясняем международную обстановку, ибо колонизаторы извращали правду о положении в мире. Мы рассказываем, кто наши друзья, кто помогает нашей республике, как живут социалистические страны.

Мы поинтересовались экономикой округа Киндия.

— Как и во всей стране, — сказал С. Каба, — богатства округа не только не эксплуатируются, но даже не исследованы. У нас огромные залежи железной руды, до них еще никто не дотрагивался. Поэтому наш округ зависит только от сельского хозяйства. У нас есть бананы, ананасы, апельсины, рис, есть лесное хозяйство. Я не говорю о замечательной охоте на диких зверей, особенно на слонов.

Каба, улыбаясь, показывает нам

громадный бивень слона. Слон был убит в этом округе.

— Большая часть земли в округе, — продолжал Каба, — занята плантациями, которые принадлежат иностранцам. Они захватили лучшие земли, а настоящие хозяева страны — гвинейцы — владеют землей плохой. Но скоро мы с этим покончим раз и навсегда...

Молодость Гвинейской Республики

Мы снова в Конакри. Столица встречает нас летними дождями. Собственно говоря, лето здесь длится круглый год, и лишь по привычке я именую эти месяцы летними. Дождь идет каждый день, но жители столицы не жалуются: ведь он несет с собою желанную прохладу.

У меня по спине еще бежали теплые струйки воды, когда я навестил директора радио Конакри Траоре Мамаду. Он достал с полки небольшую книжку — свои стихи, которые он обычно пишет под псевдонимом Рай Отра. Недавно одно из его стихотворений было переведено на русский язык. Творчество Рай Отра отличается непримиримой ненавистью к колониальной системе, к войне, империализму. Ряд поэм посвящен историческим эпизодам и героям освободительного движения в Гвинее прошлого века.

Небольшая поэма «К свободе» рисует картину порабощения Африки европейскими державами. Поэт повествует, как появились в Африке империалисты, как они искали повода для того, чтобы овладеть богатствами континента.

— Они говорят не так, как мы, — сказали англичане.

— Они и одеваются иначе, — доказывали бельгийцы.

— Они язычники! — заявляли итальянцы.

— Людоеды! — кричали испанцы.

— Они едят руками! — удивлялись французы.

— Абсолютные дикари! — заключили немцы.

И все вместе решили начать крестовый поход против варварства, за цивилизацию.

Цивилизация! Цивилизация!

Чудесное слово!

Сколько преступлений, сколько злостностей совершено во имя ее!

На улицах Конакри висели объявления: вечером в клубе профсоюза шоферов состоится большой концерт национальной танцевальной музыки. Когда столица зажгла ночные огни, мы направились на окраину города, где и находился клуб.

Небольшой зал был переполнен. Женщины несли с собой детей, привязанных к спине; молодежь смеялась и шутила, покупая у разносчиков мороженое и лимонад. Мне вспомнились любительские спектакли в наших провинциальных клубах. Так же опаздывали с началом спектакля, так же, по-видимому, артисты поминутно поглядывали на публику через дырочку в потрепанном занавесе.

Перед началом концерта молодой парнишка пылко говорил о независимости Гвинии, о наступающем расцвете национальной культуры, о заслугах Демократи-

Школьница из города Киндия.

ческой партии и президента Секу Туре.

Один за другим на сцене вспыхивали красочные и бурные танцы национальностей, населяющих Гвинию. Аккомпанемент — неизменные африканские барабаны. Концерт закончился комическими сценками, изображающими свадьбу в гвинейской деревне. Сценки вызвали бурный смех и дружные аплодисменты зрителей.

...Я еще раз встретился с молодостью Гвинии в последние минуты пребывания в этой стране. Когда я покидал Конакри, я увидел на аэродроме группу молодых людей, только что сошедших с самолета. Это были члены гвинейской молодежной делегации, возвратившейся из Москвы.

Округ Сигири. Деревенский парикмахер.

ДОРОГИ, УХОДЯЩИЕ ВДАЛЬ

Глава из романа

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Был двенадцатый час ночи, когда я добрался до гостиницы «Украина». В ярко освещенном холле еще кипела жизнь. У круглых столиков сидели в глубоких кожаных креслах люди, читали, шуршали газетами и журналами, что-то писали. Кто-то громко, заразительно смеялся. От лифта к ресторану медленно шли два смуглых человека с окладистыми бородами и в белоснежных тюрбанах. Быстро пересекая холл, пробежал официант, балансируя подносом с пустыми тарелками.

Я вдруг почувствовал голод. Вспомнил, что с утра ничего не ел. Я устал и хотел есть. Только эти два ощущения владели мною сейчас. Думать, рассуждать я уже не мог. Я слишком устал.

Куда бы пойти поесть?

В первую минуту мне и в голову не пришло зайти в ресторан гостиницы, хотя для этого достаточно было подняться прямо из холла на три широкие ступеньки и толкнуть стеклянную дверь.

Я никогда не бывал в больших ресторанах. Я жил в Москве, будучи студентом, рестораны были мне не по средствам. Правда, случалось, что мы «кутили» с ребятами по каким-либо очень торжественным случаям. Помню, один раз это было в ресторане «Якорь» на улице Горького, другой — в пивном баре на Пушкинской площади.

Но у меня и мысли никогда не появлялось зайти в большой, первоклассный ресторан, где, наверно, полно пиджонов, иностранцев, грохочет джаз и за ужином надо ухлопать по крайней мере половину моей студенческой стипендии...

«Студент... студент...» Я усмехнулся и сказал себе: «А какого, собственно, черта? Я начальник строительства, денег у меня хватит на десять самых дорогих ужинов... Пойду!»

Несколько человек, оживленно разговаривая, прошли мимо меня к стеклянной ресторанной двери. «Ну, вот, — отметил я про себя, — и никакие не иностранцы. Наши, советские люди. И одеты ничуть не лучше меня».

Но следом за ними прошли мужчина с женщиной, уже иностранцы. Обрывки их разговора донеслись до меня, язык был явно не русский, но какой, я не знал. Мужчина был седой, розовощекий и держался очень прямо, а женщина — молодая, в черной кофте и широкой красной юбке. Несмотря на вечер, на ней были защитные темные очки.

Строчки из каких-то давно прочитанных книг промелькнули в моем сознании: «Под ти-

События, описываемые в новом романе А. Чаковского «Дороги, уходящие вдаль», происходят в 1955—1956 годах в Советском Заполярье и в Москве. В центре повествования молодой советский инженер Андрей Арефьев, герой предыдущей повести А. Чаковского «Год жизни». От его имени и ведется рассказ.

Герой романа принадлежит к тем людям нашей страны, для которых решения XX партийного съезда явились призывом к созидательному труду, к борьбе против косности, рутинерства и догматизма. Для таких людей, как Арефьев, уже на второй день после XX съезда началась подготовка к новому, XXI съезду партии, съезду развернутого строительства коммунизма. Проблема формирования характера молодого коммуниста-интеллектуала, его победы и поражения, идейной борьбе, в которой он принимает участие, и посвящен роман «Дороги, уходящие вдаль».

хие звуки джаза скользили пары», «Официант услужливо изогнулся... А, черт возьми, пойду!»

Я с излишней силой толкнул застекленную дверь и вошел.

Народу в ресторане было немного. Музыканты на эстраде, видимо, отдыхали. Их инструменты стояли возле тумб-пиюпитров, на которых были разложены ноты.

Я увидел несколько свободных столиков, но мне показалось неудобным одному занять целый столик, и я стал озираясь, выбирая, к кому бы подсесть. Наконец выбрал. За небольшим столиком у колонны, в стороне от оркестра, сидел молодой человек. У него было плоское, точно срезанное лицо. Одет он был скромно, на столе перед ним стоял водочный графин, картошка в светлом, эмалированном судочке и на длинной узкой селедочнице остатки рыбы. Два других стула у столика были свободны.

«Наш брат, командировочный», — сказал я себе, решительно направился к столику и, берясь за спинку свободного стула, одновременно спросил:

— Разрешите?

— Да, да! — внезапно оживляясь, воскликнул человек и наклонился, помогая мне отодвинуть стул.

«Свой парень!» — подумал я, усаживаясь.

Вопреки моим ожиданиям, никто из официантов не «подлетел» ко мне. Я их вообще не видел. Наконец официант прошел мимо нашего столика. Я постарался встретиться с ним взглядом, но официант прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону.

Я посмотрел на часы. Половина двенадцатого. В двенадцать рестораны закрываются — это я знал.

— Рюмку водки пока, а? — внезапно спросил меня сосед, чуть усмехнулся и потянулся к графинчику.

Я обратил внимание, что он чуть заметно картавил, произнося слово «рюмка».

Пить мне не хотелось, но показалось неудобным обидеть человека, так любезно разрешившего подсесть. Лишней рюмки на столе не было, мой сосед взял фужер, налил в него немного водки и протянул мне. Я взял.

Он поднял свою рюмку и спросил:

— Москвич?

— Да нет, — ответил я, — теперь уже не москвич. С Севера приехал.

— О, — сказал сосед, наклонясь ко мне и все еще держа свою рюмку в руке, — из мест не столь отдаленных?

«Тыфу ты черт, — подумал я, — он, кажется, имеет в виду совсем другое!»

— Ну, не очень-то отдаленных, — сказала я, — а в общем из Заполярья. Руководжу там строительством.

Я сознавал, что последние мои слова прозвучали хвастливо и глупо. Но я должен был, так сказать, внести ясность.

— О, — снова сказал мой сосед. — А я иностранец. Англичанин. Меня зовут Кафлин. Ваше здоровье!

И он опрокинул в рот свою рюмку. Сначала я подумал, что этот человек попросту смеется надо мной. Иностранец? Англичанин? Что за чушь! Говорит по-русски, как я, обыкновенный серый пиджачок, худой, пьет водку, ест селедку. Чепуха! И я проглотил свою водку.

— Я всегда говорю в открытую, — продолжал этот странный тип, — это мое правило. Меня зовут Кафлин, — зачем-то повторил он, — а вас?

«А ведь он говорит всерьез, — подумал я, — ничего себе, выбрал столик! В конце концов, лучше бы этот Кафлин был толстым, с бабочкой, белым платочком в кармане, в здоровенных очках и брюках дудочкой. По крайней мере все было бы ясно».

А этот... Ну его к черту! Сейчас поблагодарю за водку, извинюсь и уйду. Пусть думает, что хочет».

И как раз в этот самый момент подошел официант. Он совсем не «услужливо изогнулся», а встал в пол-оборота ко мне и, глядя куда-то в пространство, спросил:

— Что будете?

Теперь встать и уйти было бы уж чересчур смешно и глупо. Я наугад ткнул пальцем в перечень блюд, озаглавленных «Мясные горячие». Официант кивнул и ушел.

— Я жил в Москве десять лет до войны и почти каждый год бываю здесь теперь, — сказал Кафлин, — в отличие от моих соотечественников для меня нет здесь загадок. Кроме одной...

Он выжидающе посмотрел на меня. Я молчал.

— Кроме московских ресторанов. Никак не могу понять, почему так долго не подают и почему официанты смотрят на посетителей, как на личных врагов. Сначала я думал, что дело в чаевых. Я пробовал давать на чай и не давать. Никакой разницы. Согласны?

— Я плохо знаком с ресторанным бытом, — сухо ответил я, думая, что кое в чем этот тип прав.

— Я люблю вашу страну, — продолжал Кафлин, — но никак не могу понять...

В это время заиграл джаз, причем так громко, что я уже не смог разобрать слов Кафлина. Он болезненно поморщился и, повысив голос, сказал:

— Никак не могу понять, почему ваши ресторанные оркестры ставят своей задачей заглушить самый громкий человеческий голос. Это скорее во вкусе американцев. — Он улыбнулся.

Оркестр и правда гремел так, будто играл на огромной площади. Пока он не умолк, разговаривать было очень трудно.

— Скажите, — снова обратился ко мне Кафлин, когда оркестр утих, — вы не разочарованы тем, что сели с иностранцем? Вас ввела в заблуждение моя русская речь? Так?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать, — буркнул я, поглядывая по сторонам, чтобы увидеть, не несет ли мой официант еду.

— О нет, вы понимаете, — сказал он со снисходительно доброй усмешкой. — Впрочем, сейчас положение изменилось к лучшему. Очень изменилось! В вашей стране великолепные перемены.

Я понимал, что он имеет в виду, но не хотел вступать с ним в беседу. Этот Кафлин был мне подозрителен. Пусть бы уж, на худой конец, рядом со мной сидел типичный иностранец буржуйского вида, коверкал бы русские слова, улыбался, как на картинке, а я бы, напрягая всю свою память, отвечал ему: «вери глэд» и «сэньк-ю вери мач». Но я решил молчать и понять не могу, как это у меня вырвались слова:

— Что за перемены вы имеете в виду?

— О, я поясню вам на примере, — с готовностью подхватил Кафлин. — Несколько часов назад я присутствовал на одном необыкновенном литературном собрании. В институте, где готовят инженеров.

Кровь прилила к моему лицу.

А Кафлин продолжал:

— Это было открытое студенческое собрание. Вход был свободен для всех. Очень показательное собрание...

— Чем именно? — медленно произнес я.

— Многим, — сказал Кафлин, — и прежде всего тем, что студенческая молодежь заявила о своем нежелании жить по-старому.

— Этого на собрании не было, — сказал я, сжимая кулаки под столом.

— Было, — мягко сказал Кафлин. — Я там присутствовал.

— Я тоже, — выпалил я.

— О!.. — воскликнул Кафлин.

Он помолчал немного и добавил:

— Это было очень бурное собрание. Вы согласны?

— Да, — сказал я.

— Там высказывалось немало, как бы это сказать... не очень ортодоксальных мнений. Вы разделяете мое впечатление?

Я решил, что надо поставить точки над «и».

— На собрании выступали люди, с которыми я решительно не согласен. Их побуждения мне чужды. Но были и такие, кто говорил с самыми честными намерениями. Может быть, они в чем-то и ошибались, но...

В этот момент подошел официант и принес крохотный металлический стаканчик с какой-то коричневой жидкостью и чайную ложечку.

— Получите, — поспешно сказал я, расплатился и дал официанту пятерку на чай. Тот сложил деньги в черный кожаный бумажник и, не поблагодарив, отошел.

Я очень хотел есть, но теперь мой аппетит пропал. Я даже был рад, что и еды-то у меня было всего на два глотка.

— Итак, вы были на собрании, — снова начал Кафлин, когда мы остались вдвоем. — Это очень любопытно. Одно и то же собрание глазами советского человека и иностранца. Впрочем, простите, ваш жульен остывает.

Я в три приема расправился с довольно вкусной густой коричневой кашей, в которой попадались кусочки дичи, и встал.

— Как, вы уходите? — воскликнул Кафлин, и в голосе его прозвучало неподдельное разочарование.

— Простите, — сухо сказал я, — но мне пора спать. Я только вчера приехал и очень рано встал сегодня. До свидания.

Я кивнул и поспешно пошел к выходу, думая, что это напоминает бегство.

У дверей лифтов толпились люди. На длинных матовых указателях, отмечающих движение лифта, вспыхивали и гасли номера этажей.

В первый из пришедших лифтов я не попал: кабину заполнили те, что пришли раньше, — и я стал дожидаться второго.

— Вы еще здесь? — раздался за моей спиной знакомый голос. Я обернулся. Проклятый Кафлин был тут как тут!

— Вы живете в гостинице? — приветливо спросил он. — На каком этаже?

— Третий, — буркнул я.

— Великолепный отель, прекрасные лифты, — задумчиво сказал Кафлин. — К сожалению, медленно ходят. А лестницы, как мне объяснили, существуют только на случай по-

жара и в обычное время недоступны. Я тоже живу на третьем.

Прошло еще не менее трех минут, пока я втиснулся в очередной спустившийся лифт. Я был рад, что в кабине мы наконец оказались разделенными с этим назойливым человеком. Рядом со мной стоял высокий курчавый негр. Он казался выше всех находящихся в кабине и, подняв над нашими головами руку, упирался ею в стенку. У него была очень широкая кисть и длинные пальцы. «Эх, подумал я, поговорить бы мне с этим негром!..»

На третьем этаже вышли только я и Кафлин. По коридору волей-неволей пришлось идти вместе.

Наконец я добрался до своей двери, сказал скороговоркой «спокойной ночи», поспешно повернул ключ и вошел в номер.

Мне казалось, что, оставшись один, я почувствую облегчение и спокойствие.

Но я ошибся. Я был раздражен, зол на самого себя и вместо того, чтобы раздеться и лечь спать, стал бродить взад и вперед по комнате.

«Какого черта я удрал от этого Кафлина? — говорил я себе. — Почему это он разговаривал со мной так спокойно, уверенно, а я не находил себе места? В чем дело? Я в своей стране, я здесь хозяин, а он... шут его знает, кто он такой. Пролез к нам в институт на собрание. Кто его туда звал? Как проникнул? У меня нашлось бы что сказать в ответ на его самоуверенные замечания. А я молчал или бурчал что-то невнятное. Почему? Струсил!»

Злость моя разгоралась. Я отлично отдавал себе отчет, что в конце концов негодую глав-

ным образом на самого себя. Объективно говоря, этот Кафлин не сказал ничего такого особенного, что требовало бы резкого отпора. Кроме фразы о студентах и жизни «по-старому». Его замечания насчет официантов, джаза и лифтов, в общем-то, были правильными. Если бы это сказал наш, русский, я бы теперь полностью с ним согласился. Но в этом иностранце, даже в его стремлении ничем внешне не отличаться от русского, в его невысказанной, но осязаемой претензии на подлинное знание нашей жизни, было нечто раздражающее меня. Я не должен был уходить. Сейчас он, наверное, сидит в своем номере и смеется надо мной. Думает, что я дрожу от страха оттого, что побыл за одним столом с англичанином. А я не от страха дрожу, а от злости, злости на себя, за то, что сбежал...

В этот момент в дверь постучали.

Недоумевая, кому я мог понадобиться, я открыл дверь. На пороге стоял Кафлин. В руке он держал бутылку.

— Это опять я, — сказал Кафлин. — Если вы меня не прогоните, я бы вошел. Меня слишком волнует та тема, которой мы слегка коснулись. К тому же такое удивительное совпадение...

— Пожалуйста, входите! — сказал я преувеличенно вежливо, даже обрадованно.

Если бы он не вошел, я бы сам втащил его в комнату. Я чувствовал себя в роли дрессировщика, который хочет заманить зверя в клетку.

Кафлин вошел и, поставив бутылку на маленький круглый столик, сказал:

— Это водка.

Я и так видел, что это водка, можно было бы и не пояснять.

— Ваши рестораны очень целомудренны, — сказал Кафлин, доставая из кармана складной

нож, — в двенадцать все кончается. Но когда же мужчинам поговорить по душам, если не после полуночи?

Он открыл бутылку складным штопором, взял стаканы, стоящие на подносе рядом с графином для воды, и налил понемногу водки в каждый. Мы сели в мягкие низкие кресла.

Я где-то читал, что на Западе принято пить без закуски, но в моем представлении водку без закуски мог пить только заядлый пьяница.

— Подо что будем пить? — спросил я.

— Вы имеете в виду закуску? — переспросил Кафлин. — Мне не нужно. Впрочем, если хотите, можете позвонить и сказать, чтобы принесли что-нибудь. Наберите номер...

Я набрал номер буфета и попросил принести какую-нибудь холодную закуску.

— Где вы научились так хорошо говорить по-русски? — спросил я, избегая называть Кафлина по имени, потому что, наверное, надо было бы прибавлять «господин» или «мистер», а я еще ни одного человека в жизни не называл ни «мистером», ни «господином».

— Я окончил славянский факультет у себя на родине, — ответил Кафлин. — Долго жил в

навивалась. Мы даже поспорили со Светланой об этом. Она была в восторге, а я нет. Герой там изображен, очевидно, хороший и сражается за народ. Но все время как-то стесняется отдать себе в этом отчет и старается доказать себе и другим, что главное для него — это выпить, переспать с женщиной и все такое прочее. Зато рассказы мне очень понравились. Особенно один — «Убийцы». Человечка ищут бандиты, чтобы убить, а он лежит на кровати в паршивом гостиничном номере, и нет у него уже ни желания, ни сил не только бороться, но просто встать. Загнали человека!.. А Светлане, помню, понравился другой рассказ — «Кошка под дождем». Не понимаю, что ей там понравилось. Какая-то женщина все ноет и ноет, увидела из окна гостиницы кошку под дождем, захотела ее взять, а ей принесли совсем другую. И все.

Светлана выходила из себя, доказывала мне, что это очень здорово, что и дождь и кошка — сначала одна, потом другая, — все это символы. Конечно, я понимал, что это символы, что женщина тоскует и жить ей нелегко. Умом я это понимал, но сердцем оставался совершенно равнодушным. Того, которого искали убийцы, я понимал и сочувствовал ему. А этой женщине — нет.

— Знаю, — сказал я Кафлину.

— Так вот, — продолжал Кафлин, — до некоторой степени я тоже писатель...

Он почему-то усмехнулся, видимо, чтобы подчеркнуть свою скромность, и сказал:

— Давайте выпьем.

Мы сделали по глотку водки. «А еду все не несут», — подумал я.

— Я бываю в России в качестве корреспондента, — снова заговорил Кафлин. — Вы, конечно, не читали моих писаний, но я прошу вас верить мне на слово: я не из тех, кто пишет о России разную чушь. Мне плевать на то, что ваши люди одеты скромнее, чем на Западе, и носят широченные брюки, подражая американской моде тридцатых годов. Меня не шокируют розовые абажуры в ваших квартирах и десятки тому подобных мелочей, о которых, захлебываясь, пишут некоторые мои глуповатые коллеги. В конце концов вы быстро меняете широкие брюки на бриджи и сапоги, когда надо защитить свою страну.

Он умолк и медленно отхлебнул водку. «Как ему не противно так пить водку?» — подумал я. Однако то, что на этот раз говорил Кафлин, вызвало мое сочувствие. Весь внутренне собранный, каждую минуту готовый к отпору, я внимательно вслушивался в каждое слово, которое произносил этот очень худой человек с задумчивым лицом, точно срезанным наискось, сидевший напротив меня, вытянув длинные ноги и держа в полусогнутой руке стакан с водкой.

— Мне нравится ваша страна, — продолжал Кафлин, медленно поглаживая стакан, — хотя я совсем не коммунист. Я люблю все большое, сложное, противоречивое... Можно, я налью вам водки? — внезапно спросил он.

«Ладно, — сказал я себе и поставил стакан, — пусть наливает». Кафлин налил по четверти стакана мне и себе, сделал большой глоток и, по-прежнему не выпуская стакана из рук, продолжал:

— Я слежу за жизнью вашего народа долгие годы. Я почувствовал, как вы насторожились, когда я высказал свое мнение о том собрании. Напрасно. Меня не надо бояться, товарищ Арефьев. — Он допил водку и потянулся к бутылке.

— Может быть, сделаем перерыв? — неуверенно сказал я, боясь показаться невежливым. Совершенно неожиданно для себя я начал ощущать что-то похожее на симпатию к этому Кафлину.

— Много пью? — усмехнулся Кафлин и спросил: — Сколько вам лет?

Я ответил.

— Женаты?

— Нет.

— Так, — задумчиво произнес Кафлин и, глядя в свой пустой стакан, медленно сказал: — А мне пятьдесят четыре, и три месяца назад от меня ушла жена, которую я любил, и забрала сына, которого я любил еще больше.

Это было сказано неожиданно и вместе с тем просто, без всякой тени рисовки. Меня охватило смешанное чувство неловкости и

вашей стране. Я журналист, товарищ... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Арефьев, — сказал я, недоумевая, почему это он зовет меня «товарищем».

— ...Товарищ Арефьев, — повторил Кафлин. — Скорее всего я даже писатель. Конечно, менее, гораздо менее известный, чем Хемингуэй или Грэхем Грин. Вы знаете эти имена?

Про Грина я ничего не слышал, а Хемингуэй, конечно, читал еще в институте. Как сейчас помню, в красном переплете — «Пятая колонна и 38 рассказов». «Колонна» мне не по-

одновременно жалости и сочувствия к этому странному человеку.

— Если говорить начистоту, товарищ Арефьев, — продолжал Кафлин, — то я пришел к вам совсем не для политических разговоров. Просто я вернулся в свой пустой номер, посмотрел на портрет сына, который стоит на моем столике, и мне захотелось побыть вдвоем с человеком другого мира, молодым, полным сил, далеким от всего того, что окружает меня... Вы, кажется, сказали, что работаете где-то на Севере?

— Да, — сказал я, — строю туннель в Заполярье. — И, сам не зная зачем, подлил водки Кафлину и себе.

Внезапно мне стало очень грустно. Лицо Светланы снова возникло передо мной. Я подумал, глядя на Кафлина: «Вот он сидит и думает, что только у него одного горе. Если бы он знал!..»

И я залпом выпил водку.

— Мир, в котором я живу, — задумчиво и не глядя на меня, сказал Кафлин, — создан на несправедливости. Это понимаю даже я, далекий от коммунизма человек. Я понимал это задолго до того, как суд постановил отдать моего мальчика матери, которая сделает из него преуспевающего дельца и самодовольного мещанина. Как же, ведь я подозрительное лицо, малоизвестный писатель, который много пьет и часто ездит за железный занавес...

Он горько усмехнулся и спросил:

— Скажите, вы тоже ненавидите несправедливость, ложь, неправду?

В голове моей шумело. Не знаю, почему, то ли от выпитой без закуски водки, то ли от всего того, что произошло в этот вечер.

— Да! — с горячностью воскликнул я. — Ненавижу! И, поверьте, я тоже много испытал в жизни, несмотря на свою молодость. Я видел людей жестоких и несправедливых, меня тоже обманывали и предавали...

— О, — торопливо подхватил Кафлин, — я знаю, что такие люди, как вы, молодые, сильные, ненавидящие ложь, смогут перестроить вашу страну, именно это я чувствовал на том самом собрании. Вы откажетесь от своих догматов, от всего того, что вас заставляли принимать на веру... Скажите мне, что это так, что я прав, — все быстрее и с необычной для него горячностью продолжал Кафлин. — Я хочу услышать это от вас, именно от вас, представителя молодого поколения великого народа! В ваших словах я, человек старого мира, почерпну веру, что не все еще потеряно на земле!.. — Он умолк, подался вперед, глаза его заблестели, впалые щеки порозовели.

...Потом, когда Кафлин уже ушел, а я, оставшись один, попытался мысленно восстановить весь этот разговор со всеми его деталями, я вспомнил о поразительной способности этого иностранца подлаживаться под манеру разговора собеседника.

Если вы говорили спокойно, неторопливо, то и он отвечал вам в той же спокойной, неторопливой манере. Но как только Кафлин чувствовал, что вы начинаете увлекаться, что воспоминания нахлынули на вас и речь ваша становится торопливой и сбивчивой, он тотчас же «переключался». И тогда он начинал подражать вам, нет, «подражать» не то слово, он перевоплощался, его речь по манере становилась точно продолжением вашей собственной, он делал все для того, чтобы вы забыли о собеседнике, чтобы он показался вам как бы вашим двойником...

И тогда он, «включаясь» в ваш сбивчивый, взволнованный поток мыслей, начинал подсовывать вам свои мысли, свои слова, он точно на ходу переводил стрелку поезда и делал это так, чтобы вы в увлечении своем даже и не заметили, что мчитесь уже по совсем другому пути...

...Во всем этом я отдал себе отчет несколько позже. А сейчас все перемешалось в моем сознании. Я плохо отдавал себе отчет в том, что говорил теперь Кафлин. Но я чувствовал, что в нем произошла какая-то необъяснимая перемена, что слова его приобретают какой-то новый смысл.

— Выпьем, выпьем еще, стоит ли ждать закуски! — воскликнул Кафлин, хватая бутылку и торопливо разливая водку; рука его дрожала, и горлышко бутылки ударялось о край стакана.

— О чем вы хотите услышать от меня? —

неуверенно спросил я, стараясь овладеть собой и подавить этот проклятый шум в голове.

— Ну, конечно, о том, о чем говорит сейчас вся ваша страна, весь мир! О восстановлении справедливости! О тех выводах, которые вы, молодежь, сделаете из двадцатого съезда! Выпьем же за двадцатый съезд!

Моя рука потянулась к стакану. И вдруг я отдернул ее.

— Не буду, — сказал я.

— Не будете? — с неподдельным, казалось, изумлением переспросил Кафлин. — Вы не хотите выпить за съезд вашей партии?

И вдруг перед глазами моими возникла картина...

Лето. Крамов, Светлана и я едем кататься по озеру. Потом мы в горах. Светит ночное полярное солнце. Я люблю Светлану. Я считаю Крамова своим лучшим другом...

Крамов разливает водку в алюминиевые складные стаканчики. И произносит тост. Станный тост. За смелых, не боящихся риска людей. За тех, кто не растягивает на годы уплату своего долга государству. За тех, кто платит сразу. В этом тосте прозвучало что-то странное и чужое.

— Не буду! — закричал я тогда и сам испугался силы своего голоса.

Кафлин все еще держал свой стакан в вытянутой руке.

— Не буду, — снова сказал я, — не буду я с вами пить за двадцатый съезд.

— Пейте, — настаивал Кафлин, — вы просто боитесь своих затаенных мыслей. Вы бывали на Западе? — неожиданно спросил он.

— Нет, — глухо ответил я.

— Но вы поедете, будете там, — убежденно сказал Кафлин. — Ваши люди уже начали ездить, а с каждым месяцем, с каждым годом они будут ездить все больше... Это уже нельзя остановить! Поедут и молодые, и старые, и высокие персоны, и простые люди... И они поймут, что надо сделать... О, я уже почти старик и не очень верю в мое поколение, но я знаю, что слово за молодыми! Послушайте, мой дорогой Арефьев, вы хоть знаете о том, что весь мир с верой и надеждой ждет от советской молодежи ее слова?

Я встал, стараясь не пошатнуться. Мне хотелось крикнуть очень громко, а получились глухие, хриплые слова:

— Убирайтесь вон!

Но Кафлин и не подумал встать.

— Струсил? — усмехнулся он и наконец поставил свой стакан на стол. — Чего? Как монах, приученный верить и лишенный способности рассуждать, хотите отделаться заклятием: «Сгинь, рассыпся»?

Я все понял. О, наконец-то я, дурак, мальчишка, все понял! Боже мой, как все просто, как элементарно просто! «Товарищ Арефьев», «Жена, которую я любил», «Друг вашей страны»! О!..

Я стоял за креслом, вцепившись в его спинку обеими руками.

— Я не струсил, — медленно сказал я. — Хотите, выйдем в коридор и поговорим во весь голос? Хотите, вернемся в ресторан? Впрочем, он уже закрыт. — Я провел языком по пересохшим губам. — Сколько бы вы получили за свою статью, вы, малоизвестный писатель? «В московской гостинице «Украина» я случайно встретился с типичным представителем советского молодого поколения. И он мне сказал»... Так это, кажется? Так?!

— Мальчишка! — воскликнул Кафлин и встал.

— Слышал! Я это уже слышал! — обрадованно крикнул я, думая о Крамове. — Мне это уже говорил один такой Кафлин, правда, у него было другое имя. Что вы понимаете в нашей стране! Десять лет вы жили у нас и все ждали желанных перемен. Потом на войну надеялись. Теперь, думаете, дождались, думаете, дождались?!

Я говорил и говорил... Время от времени я сознавал, что напрасно произношу речь перед этим иезуитом, провокатором, которого не переубедят сто и тысяча таких речей...

Но я уже не мог остановиться, замолчать. Туман стоял перед моими глазами, и в этом тумане лицо Кафлина то исчезало, то появлялось. Я говорил все это не только ему. Безликий сброд стоял передо мной в те минуты. Я видел перед собой то Кафлина, то того дол-

говязого парня с гладко зачесанными наверх светлыми волосами, то Шебуева, то Полесского — всех, всех, кто мне мешал, портил жизнь, заставляя пережить долгие мучительные часы и дни.

— Хемингуэй, Грин, жена, сын!.. — захлебываясь, кричал я, наступая на Кафлина. — Не правда это все, ложь! Не было у вас жены и никакого сына не было, не может у вас быть сына!

— Вы меня оскорбляете, — сказал Кафлин, испуганно отступая к двери. — Я гость, иностранец.

— А-а! Теперь вспомнили, что вы иностран-

нец! — воскликнул я, подходя к нему вплотную. — Да не бойтесь, я вас не трону! Вы же хотели побеседовать, — давайте поговорим, по душам поговорим, — кричал я, забыв, что только что гнал Кафлина из номера, — давайте же разговаривать, мистер, господин, сэр! Вам, кажется, что перемена наступила? Что ваша взяла? Что, признав свои ошибки, мы пойдем к вам с поклоном, с извинениями? Вы мои слова услышать хотели? Вот они, слушайте! — И я раздельно сказал: — Плевать мы хотели на ваши ожидания. Еще десять, еще двадцать лет, до конца жизни своей будете к нам ездить в надежде на нужные вам перемены и не дождетесь. То, что мы хотим, мы переменим. Переменим! А то, что хотите вы, — никогда. Не будет этого! Ясно? Все!

Я отошел от Кафлина и стал спиной к нему у круглого столика.

— Вы просто фанатик, — услышал я голос Кафлина. — К счастью, таких на земле становится все меньше. Даже у вас.

Я не обернулся. Хлопнула дверь. Ну, вот я и один. Как хорошо! Шум в голове давно прошел. Я чувствовал необыкновенную свежесть и бодрость, как после хорошего трудового дня. Только сердце билось очень часто.

«Теперь спать», — сказал я себе, швырнул пустую бутылку из-под водки в корзину для мусора, сполоснул в умывальнике стаканы и сел в кресло, чтобы расшнуровать туфли.

В этот момент в дверь постучали, и она тут же раскрылась. На пороге стоял официант с подносом.

— Холодную закуску заказывали? — спросил он, проходя в комнату и опуская свой поднос на столик. — Прибор один, два?

Говоря, он деловито звеня тарелками, ножками и вилками, расставлял на столике сыр, колбасу и заливную рыбу.

Я громко рассмеялся.

Официант недоуменно посмотрел на меня.

— Вы бы еще под утро принесли, — сказал я.

— Кухня на первом этаже, пока чек выбьешь, пока лифта дождешься, заказов много, а я один на этаж, — деловитой скороговоркой ответил официант. — Платить сейчас будете? Я расплатился, и официант ушел.

«Спать или есть?» — задал я себе вопрос и ответил: «Буду есть. Почему бы мне не поужинать?»

Лирика

Расул ГАМЗАТОВ

Народный поэт Дагестана

Ты моя жизнь

Мне кажется жизнь удивительной штукой.
Как много оттенков у каждого дня!
Она то скучает меня каменной скукой,
То радостью детской одарит меня,

То птицей взнесет над зияющей бездной,
То сбросит с вершины к подножью горы.
Меня на земле то поставит железно,
То, словно бечевку, совет до поры,

То горе пошлет мне, то радость подарит,
То даже порою ножа острей
Приставит к груди и по сердцу ударит,
А в сердце моем только имя твое!

Ты с жизнью моей удивительно схожа:
Ты тоже бываешь и доброй и злой,
Ты можешь вогнать меня в землю и можешь,
Как знамя, меня вознести над землей!

Я о тебе боюсь писать стихи

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи.

Вдруг, их прочтя,
Другой, меня достойней и моложе,
Как я, тебя полюбит не шутя.

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать.

Вдруг кто-нибудь, любя,
Заговорит с другой, любимой тоже,
Словами, что нашел я для тебя.

* * *

Я не хочу тебе петь колыбельной...

Чтобы спокойно спала,
Встать я хочу над твоей постелью
И простоять досветла.

Буду я ночью осеннюю, длинной
Молча стеречь твой покой
Дубом, склоненным над спящей долиной,
Скалой над притихшей рекой.

Слезинка

Памяти Бетала Куашева

Ты ли, слезинка, поможешь мне в горе?
Ты ли блеснешь и рассеешь беду?
Ты для чего меня, горца, позоришь:
Люди заметят — блестишь на виду!

Тот, чьи навеки мы очи закрыли,
Видел и горе, и холод, и зной,
Но никогда эти очи в бессилье
Не застилало твоей белизной.

Тихо в ответ мне шепнула слезинка:
— Если стыдишься, себя ты не мучь,
Людам скажи, что блеснула дождинка,
Малая капля упала из туч.

* * *

Вижу я, зябко тебе, дорогая...
Дай-ка мне руку, присядь у огня!
Что ты вздыхаешь о лете, о мае?
Что ты грустишь, не глядишь на меня?

Разве я птица, которая смеет
Только весною запеть, полюбя?
Разве я солнце, которое греет
Только весною и летом тебя?

Милая, в зной я люблю и в ненастье,
В добром июне и злом феврале.
Песню пою о любви и о счастье,
Снег ли белеет, иль май на земле.

Если же, песней моей не согрета,
Зябнешь ты в эту февральскую ночь,
Значит, ничто — ни весна и ни лето —
Песне моей не сумеет помочь.

Поток под скалой

Бьется поток под скалою высокой,
Гордой, бесчувственной к рокоту вод.
Мне ль не понять состоянье потока!
Кто же мое состоянье поймет?

Бьется, рокошет поток, но не может
Расшевелить равнодушных камней
Этой скалы, удивительно схожей
С каменносердной любимой моей.

Когда ты уехала...

Сам пожелал я тебе на прощание:
«Пусть твоя будет счастливей дорога!»
Сам же сейчас я молю в ожидании
Бури и вьюги, не веруя в бога.

Пусть на пути пред тобою, любимая,
Скалы обрушатся — сделают милость,
Станет тропинка непроходимой, —
Только б скорей ты назад воротилась!

Как я хочу, чтоб опоры ослабили,
Мост расшатала дожди проливные,
Чтобы вовсю перевозчики запили
И не нашли б своих весел, хмельные,

Чтобы дорога тебе не понравилась,
Чтобы машина в дороге ломалась,
Чтобы знакомых, куда ты направилась,
Вовсе на месте бы не оказалось...

Может быть, я отступаю от правила,
Нехороши все мои пожеланья...
А хорошо, что меня ты оставила
И одинок я в своем ожиданье?

Знаю, есть в сказанном несоответствие,
Но я мечтаю, теряя терпенье,
Чтоб снизошло к нам стихийное бедствие
Для быстроты твоего возвращенья.

Кинжал

Со стены я снимаю старинный кинжал
И сжимаю в руке неумело...
Я ни разу на пояс тебя не цеплял,
Чтобы мчаться на бранное дело.

Я, быть может, порой твой тревожу покой,
Пыль со стали стирая холстиной.
Что ж до крови, — то крови не то что людской,
Ты ни птичьей не знал, ни звериной.

Ты висишь, как безделка, а я до сих пор,
Слыша смутный в крови своей голос,
То на палец попробую, как ты остер,
То попробую, режешь ли волос.

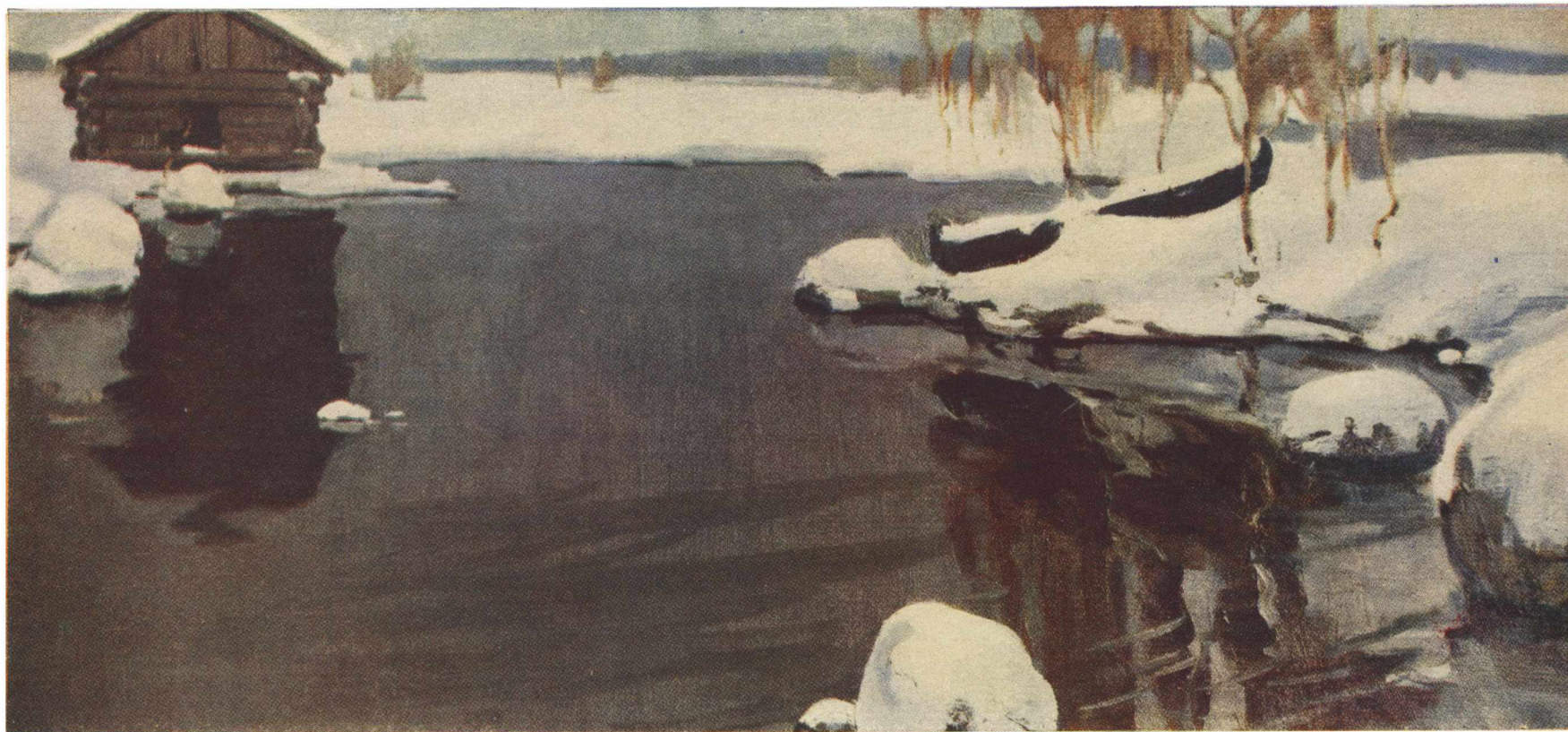
Жизнь дала мне оружие. Оружие мое
Мир несет и с тобою не схоже!
Почему же я глажу твое острие,
Сталь острою, вынимая из ножен?

Или жду я, что бранное время придет?
Но теперь ты не нужен для брани.
За окном, на дворе, мирный дождик идет
И по крыше моей барабанит.

Почему же тебя берегу и берег,
Я, отпетый добряк-стихотворец?..
Почему?..

Мне б ответил кинжал, если б мог:
«Потому что ты все-таки горец!»

Перевел с аварского
Н. ГРЕБНЕВ.

М. А. Игнатьева. ВЕСНА, 1958.

М. М. Мечев. ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР. Гуашь. 1959.

С. Х. Юнтунен. РЫБАКИ. 1959.

Г. А. Стронк. ПОРТРЕТ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА
КАРЕЛЬСКОЙ АССР В. ПОПОВА. 1945.

Б. М. Кустодиев [1878—1927]. БАЛАГАНЫ. 1917.

Государственный Русский музей.

Б. М. Кустодиев

Борис Михайлович Кустодиев родился в 1878 году в Астрахани, в семье учителя. Когда мальчику было полтора года, он потерял отца. Все заботы по содержанию семьи легли на плечи матери. Она брала заказы на вышивание, играла на рояле в домах астраханских богачей.

Астрахань купеческая, мещанская, бурлацкая... Пароходные гудки и колокольный звон, рыбные базары, напояженные приказчики, спесивые и суеверные купчихи, балаганы по праздникам — весь этот калейдоскоп навсегда остался кладезем, из которого художник черпал и черпал.

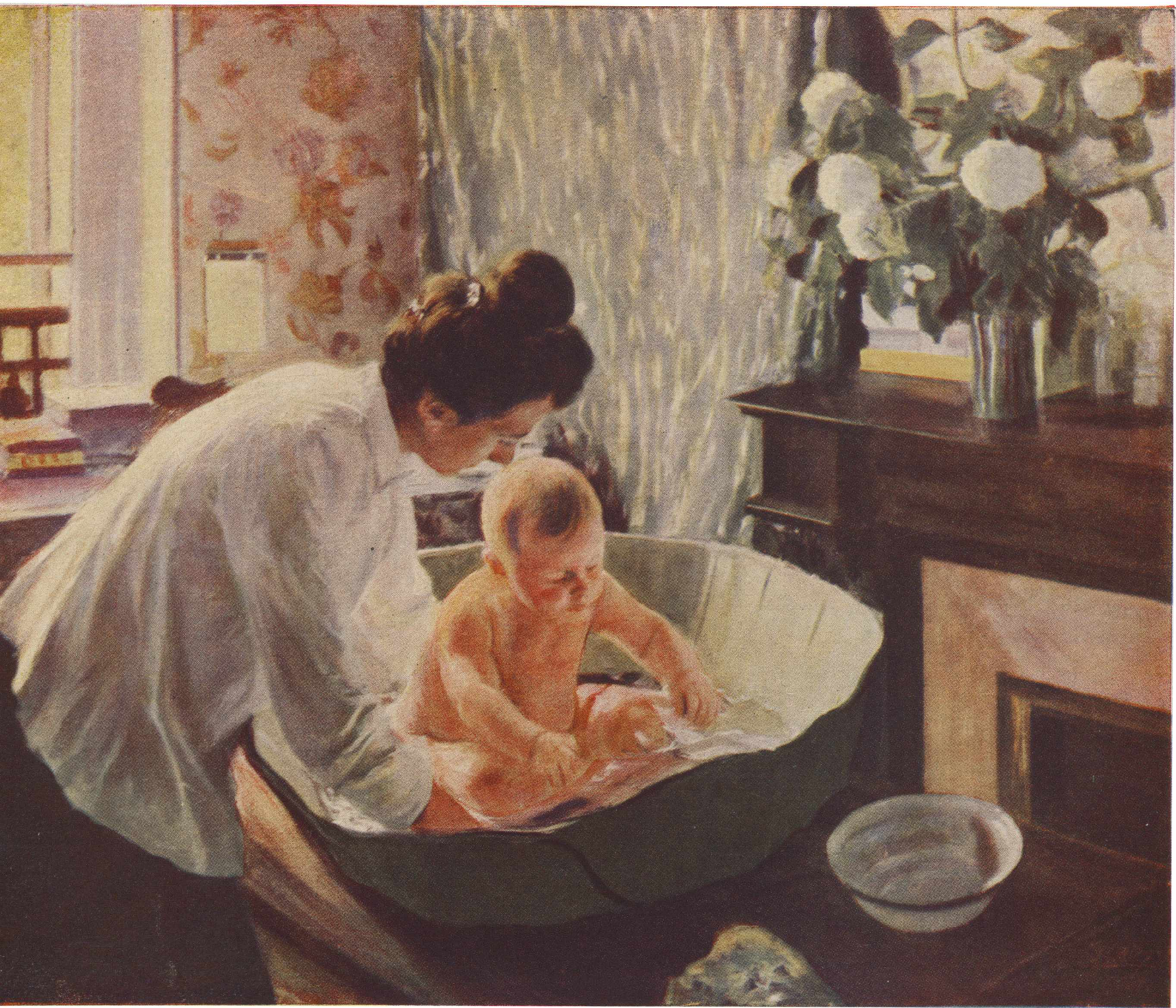
Мальчишка отдадут в духовную семинарию. Но любовь к искусству берет свое. В 1896 году он едет в Петербург и поступает в Академию художеств, в мастерскую И. Е. Репина. Илья Ефимович сразу оценил темперамент, трудолюбие и талант молодого художника. Уже через четыре года, не закончив еще академии, Кустодиев работает вместе с Репиным над большой портретной композицией «Государственный Совет». Потом диплом, заграничная командировка.

В Париже он пишет одну из известнейших своих картин — «Утро». Вы видите ее на нашей вкладке. Что можно сказать об этой картине? Кому приходилось вот так, солнечным утром, купать малыша в корыте, тот, конечно, оценит мастерство, с которым художник передал радостную атмосферу этой сценки.

По возвращении в Россию Кустодиев быстро завоевывает репутацию блестящего портретиста и художника со своей неповторимой темой.

Он пробует силы в графике — иллюстрирует «Шинель» и «Коляску» Гоголя, «Песню про купца Калашникова», сказки Толстого. В этих очень смелых, своеобразных работах художник ищет народный колорит. Уже здесь ощущается переключенный кустодиевский стиль с народным лубком, с русской игрушкой.

Грядет 1905 год. Веселый, добродушный Кустодиев вместе с Репиным,

Б. М. Кустодиев. УТРО. 1904.

Государственный Русский музей.

Серовым, Лансере сотрудничает в сатирических журналах «Жупел» и «Адская почта». Его карикатуры на Победоносцева и графа Игнатьева, помещенные в этих журналах, — злая, беспощадная сатира.

После художник принимает участие в составлении «Календаря русской революции». На картине «Февраль» работы Кустодиева — ограда Румянцевского сада и около нее трупы расстрелянных рабочих. Цензура запретила «Календарь». Он был полностью напечатан только в 1930 году.

Борис Михайлович трудится необычайно интенсивно. Он выполняет одну работу за другой — «Купчиха», «Красавица», «Масленица», «Московский трактир». Оночательно складывается его ясная, декоративная манера, веселый, иронический подход к «нондовому» провинциальному быту с бесконечными чаепитиями, сидениями на лавочках, балалайками и самоварами.

Любил он изображать народные гулянья, особенно зимние, с тройками, с бубенцами. Такова его знаменитая «Масленица». В 1917 году Кустодиев пишет картину «Балаганы». Это тоже зимнее, очевидно, масленичное гулянье. Обратите внимание, как смело komponует художник: покрытая сверкающим инеем береза занимает чуть не половину холста...

В 1911 году Кустодиев ощутил первые симптомы страшной болезни. А через пять лет паралич приковал совсем еще молодого художника к постели.

Последние десять лет жизни Кустодиева (он скончался в 1927 году) — это настоящий подвиг. Неменяют руки, не разгибаются пальцы, кисть приходится привязывать, но художник продолжает творить. Нечеловеческим усилием воли он преодолевает болезнь. Работает он, сидя в коляске, не имея сил передвигаться самостоятельно.

Восторженно встретил Кустодиев Октябрьскую революцию. Он сразу же включается в оформление улиц, площадей в дни революционных праздников, исполняет по заказу правительства несколько больших декоративных панно. Пишет картины «Большевик», «Степан Разин», «Праздник на Неве». К этому периоду относится знаменитый портрет Федора Шалаяпина в распахнутой шубе на фоне зимнего пейзажа.

Много времени художник посвящает издательствам: он оформляет издания популярнейшей в то время «Народной библиотеки», иллюстрирует Пушкина, Лескова. Бойкий говор лесовских героев, их страсти, мятущиеся за тюлевыми занавесками душных светелок над Волгой, широкой, раздольной, — как все это было знакомо Кустодиеву еще с астраханских времен!

Борис Михайлович был прекрасным рисовальщиком подлинно монументального размаха. Он всю жизнь мечтал о монументальном искусстве, о росписях радостных, светлых, красивых.

Художник искал стиль, форму, которая с наибольшей яркостью воплощала бы черты национального характера, как он его понимал. Он не был, конечно, «изобретателем». Кустодиевская манера родилась в результате изучения быта русской купеческой провинции, народного искусства — игрушки, вышивок, деревянной резьбы. Творчески переработав множество национальных мотивов, художник создал свой стиль — цветастый, декоративный и в то же время очень тонкий, узорчатый...

В Ленинграде, в Русском музее, сейчас открыта большая выставка картин, рисунков, акварелей Кустодиева.

А. ГАСТЕВ

Хорошо ли вас
обслуживают?

Всем нужны Обои

А. ГАСТЕВ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

По городу ездит автофургон с оригинальной надписью: «Обои в магазинах в большом выборе Мосхосторга».

«Выбор Мосхосторга» — странно звучит, не правда ли? Вместо того, чтобы предоставить право выбора покупателю, эта организация предпочитает выбирать сама. Может быть, там имеются квалифицированные эксперты, люди с безупречным вкусом и эстетическим чутьем?

Строя всевозможные предположения, я отправился в магазин Мосхосторга на Колхозной площади. В отделе обоев былолюдно. Из очереди, вернее, из трех очередей, к трем продавщицам, доносились обрывки разговоров: «Пол-Москвы обегала», «Всю Москву обегала», «Еще набегаешься»... и т. д.

С детства знакомое выражение «веселение обоев» приобретало в связи с этими репликами смысл весьма иронический.

Через головы покупателей можно рассмотреть образцы товара. Среди них нет ничего необыкновенного, за исключением добросовестно выполненной имитации персидского ковра. Остальное было в меру аляповато, в меру безвкусно: букеты, вазы, какие-то клумбы и целые газоны.

В крохотной клетушке, заваленной альбомами с образцами, я беседую с Афанасием Григорьевичем Алхимовым, заведующим отделом обоев. Разговор идет о красоте обоев. Наш собеседник откровенно говорит:

— Да, обои плохие. Старомодные, аляповатые, кричащих расцветок. Девятнадцатый век.
— Почему же вы ими торгуете?
— Хороших не покупают.
— Как так?

— Очень просто. Покупатель требует плохих.

— Странно... А вы не пробовали объяснять, пропагандировать?

...В тот же день я был на Московской обоевой фабрике. Она самая крупная в Союзе — выпускает 50 миллионов кусков в год и практически обеспечивает обоями большую часть Российской Федерации, Украину, республики Закавказья. Директор фабрики Матвей Григорьевич Гелис оказался человеком, прекрасно понимающим, какими обоями можно действительно украсить квартиру.

— А какие обои выпускает фабрика?

— Всекие. И хорошие и плохие. А нельзя ли делать только хорошие?

— Нельзя. Торгующие организации требуют плохих.

— Большой выбор Мосхосторга?

— Именно. Вазы, букеты, ковровый орнамент. Чем позабористее, тем лучше.

— Для кого лучше?

— Для потребителя.

— Что же это за потребитель?

— Вообще... Покупатель.

Я попытался представить себе этого «покупателя вообще», некую среднестатистическую, абстрактную фигуру, требующую обоев невероятных расцветок, грубых и безвкусных. Это оказалось не просто. Существует ли такой «покупатель вообще»?

На стене директорского кабинета висел кусок очень хороших обоев, из тех, которыми были оклеены комнаты на выставке мебели в Черемушках. Матвею Григорьевичу они, очевидно, нравились, иначе он бы их не повесил.

— Сейчас мы таких обоев не делаем. Выпустили одну партию, больше не стали.

— Почему?

— Торгующие организации говорят: «Не пойдет».

— Но выпущенные оказались распроданными?

— Моментально.

Да, очевидно, «покупатель вообще» не так уж заносил в невежестве, как это считают люди, делающие обои и торгующие ими.

На прощание Матвей Григорьевич посоветовал мне сходить в художественные мастерские Главстандартдома, где создаются новые образцы обоев, рекомендуемые к производству.

Главный художник мастерских Борис Владимирович Щуко показал мне эти образцы, выполненные с большим вкусом и тактом, сдержанные и благородные в цвете.

— Многое ли из этого утверждается вашим художественным советом?

— Все хорошее, как правило, утверждается. Но ведь это не значит, что образцы немедленно поступают в производство. Мы рекомендуем, а не приказываем. Приказывают торгующие организации. Им же якобы приказывает потребитель.

— А кто-нибудь разговаривает с потребителем?

— Разговаривать, объяснять некогда. Там торгуют!

Архитекторы, с которыми мне пришлось беседовать, отличались единством мнений, ясной и, очевидно, вполне разумной эстетической программой. Они в один голос заявляли:

— Обойная промышленность и торгующие организации потакают самым низкопробным вкусам. Они плывут по течению: лишь бы купали. Вряд ли это можно считать правильным подходом к делу.

— Какие же обои нужны? Ведь хороший вкус в конце концов — понятие относительное. Одному нравится то, другому это.

— Ничего здесь нет относительного. Хороший вкус — это умеренность, такт, если хотите. Некрасивая, дурного вкуса вещь может так же бестактно вести себя в комнате, как невежливый, плохо воспитанный человек. Она старается перекричать других, назойливо заявляя о своем присутствии. Кроме того, существуют требования стиля, современной архитектуры. Не будет преувеличением, если мы скажем, что большинство рисунков на обоях, имеющихся в продаже, разработано еще в девятнадцатом, а то и в восемнадцатом веке. Действительно, крупный, яркий узор, как говорится, «смотрелся» в комнатах, украшенных лепниной, с какими-нибудь там фигурными окнами и вычурной, тяжелой мебелью. В условиях современной архитектуры, в основе которой простота, строгость, ничего лишнего, все это не годится. Новое жилищное строительство, в котором особое место займут малоэтажные квартиры, потребует чрезвычайно бережного отношения к стенам. Их ни в коем случае нельзя «загромождать» обоями с вычурным, кричащим рисунком.

— Не значит ли это, что гражданам, проживающим в старых квартирах, рекомендуются обои девятнадцатого века?

— Отнюдь. Наша задача не только конструировать новый быт в новых квартирах, но и реконструировать старый. Ведь обои — это наиболее подвижный, наиболее «мобильный» элемент архитектуры. Именно с помощью обоев можно «осовременить» квартиру, приспособить ее к нашим эстетическим принципам. Мелкосетчатые, строгого, простого рисунка, сдержанной, спокойной расцветки обои украсят любую квартиру, сделают ее просторней и светлей. Оклеивая комнату обоями с чрезмерно крупным, ярким рисунком, мы сами себя обкрадываем. Такая комната кажется меньше, темнее, чем она есть на самом деле.

Кроме того, мебель новых, современных моделей, малогабаритная, простых экономических конструкций, выглядит в такой комнате далеко не лучшим образом. Женщинам не вредно также подумать и о том, что пестрые обои губят их любимые туалеты, а самый безупречный цвет лица кажется на фоне таких обоев бледным и непривлекательным.

— Все это разумно. Но как же потребитель? Он ведь «требует»?

— О! Представления о якобы существующей косности потребителя, мягко выражаясь, преувеличены. В Ленинграде, на углу Лиговки и Разъезжей, существует магазин, к сожалению, пока единственный в своем роде, где покупателей консультируют архитекторы — специалисты по интерьеру. Обои сюда поступают лишь по указанию архитектора-консультанта. Здесь торгуют только хорошими обоями.

— И что же?

— Администрация магазина сначала сильно сомневалась в успехе этой затеи. А сейчас... Сейчас она просит увеличить план товарооборота в три раза. Популярность магазина необычайна. Надо сказать, что пропаганда хорошего вкуса в применении к обоям сильно затрудняется тем, что неспециалисту бывает нелегко определить их качество в отдельно взятом куске. Надо показывать обои в комбинации с мебелью, с осветительными приборами, в интерьере. Тогда все преимущества действительно хороших обоев становятся особенно наглядными. Почему бы, например, в крупных жилищных массивах не устраивать специальные «образцовые» квартиры, куда каждый мог бы прийти и посоветоваться: как расставить мебель, какой купить абжур, какими обоями оклеить стены? Но это, так сказать, программа-максимум. А пока нам со-

вершенно необходим салон-магазин, в котором консультировали бы архитекторы. Опыт ленинградцев надо использовать.

— Скажите, а как обстоит дело с обоями, которые поступают непосредственно на строительство?

— Плохо. Квартиры в новых, хороших домах нередко оклеивают никуда не годными обоями. Причин здесь несколько. Во-первых, из-за авралов и спешки при отделочных работах. Прораб приезжает на базу и берет, что дают. Вместе с тем безвкусные обои с крупным рисунком обладают немаловажным достоинством: они маскируют неровности стен, всевозможные пятна, потечи и т. д. Поэтому, вообще говоря, для неградивых строителей плохие обои — очень удобная ширма, грим, которым они порой прикрывают собственные грехи.

С погрязшими в грехе строителями я разговаривал на следующий день в одном из кварталов Юго-Западного района. Прораб отделочных работ, депутат Московского Совета Дмитрий Федорович Прошин весело рассмеялся:

— Действительно, с плохими обоями плохому строителю легче иметь дело. Бран не так заметен. Но для этого ему не надо прибегать ни к каким хитростям: хороших обоев просто нет. И если уж мы такие зловредные, как это кажется архитекторам, то приструнить нас несложно: присылать на строительство обои только хорошего качества. Да, да... У нас каждый маляр понимает, что такое хорошие обои: ведь мы строители. Думаем, нам и в самом деле приятно уродовать новые квартиры?

— Уродовать?

— Конечно. Пойдите в дома, которые уже готовы к сдаче, и убедитесь.

И я убедился. Открыв дверь одной из квартир в доме № 13 по 2-й Строительной улице, я поневоле зажмурился. Стены здесь были оклеены чем-то ярко-желтым, усеянным красными, синими и зелеными цветами. — художники называют подобное сочетание «яичница с луком».

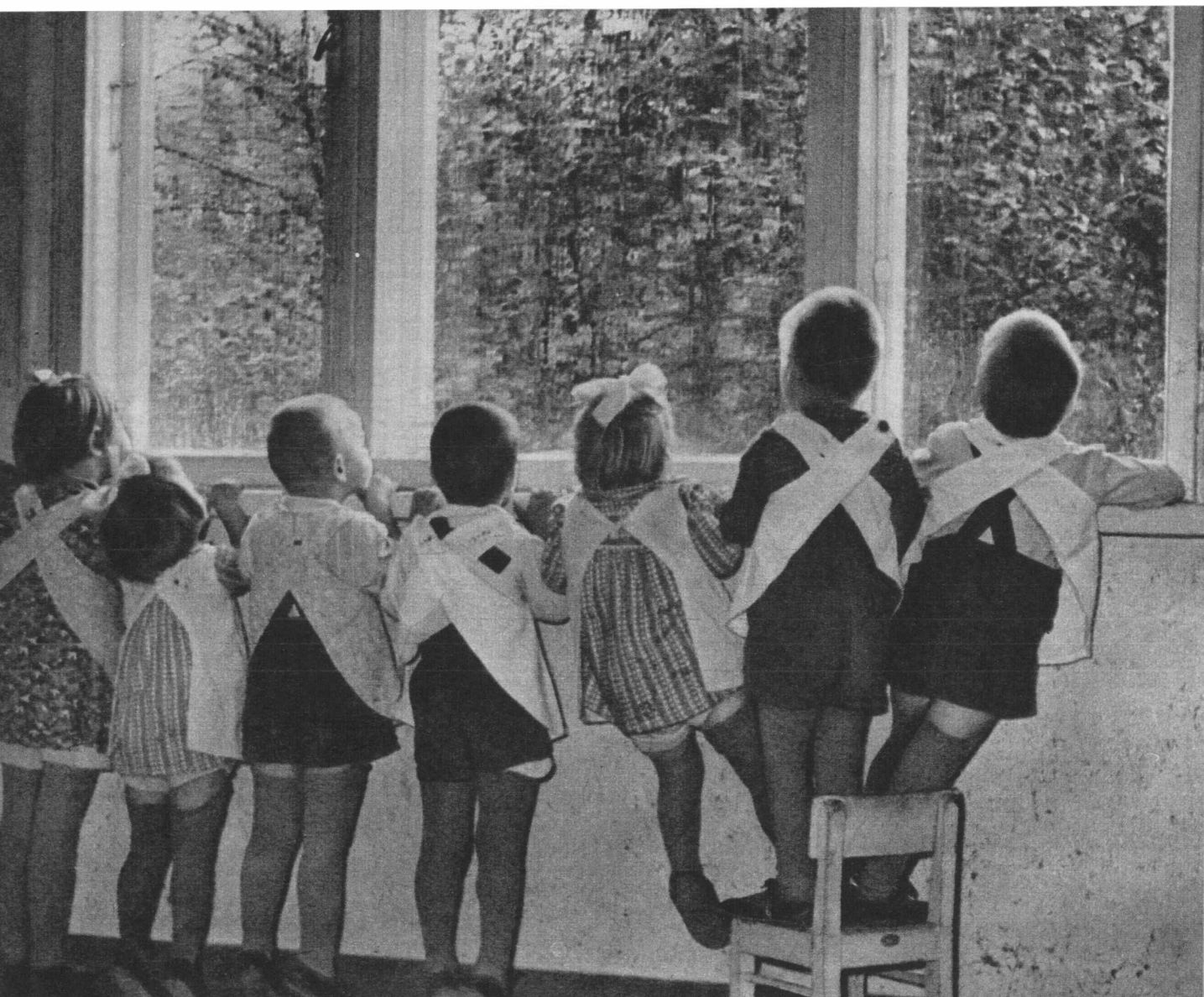
Я не обладаю достаточным литературным талантом, чтобы с необходимой образностью описать обои во всех остальных квартирах. Во всяком случае, нигде я не обнаружил тех замечательных, скромных и приятных для глаза рисунков и расцветок, которые видел в художественных мастерских, да и на обоевой фабрике в ассортиментных альбомах.

Что же это такое? Почему? Почему человек, для которого реактивный самолет, кибернетическая установка и атомный ледокол не фантастика, а реальность, который необычайно восприимчив ко всему новому, хорошему, современному в жизни, в быту и в искусстве, должен жить в квартире, оклеенной обоями под стать провинциальному трактиру прадедовских времен? Непонятно! Почему наша обоевая промышленность должна ориентироваться на вкусы той части населения, на вкусы тех, кто покупает на базаре умясные картины с лебедями и кипарисами и открытки «Люби меня, а я тебя»?

ОСЕНЬ ПРИШЛА В ГОРОД

Листопад над прудом.

Н. ХРАБРОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

Летом Тарту стоял, как белый каменный остров среди зеленого моря: на дальних холмах густой синевой, как черта морского горизонта, темнели леса, в долинах волновались высокие луговые травы, к самым улицам города поднимались тяжелые валы хлебов.

Теперь в окрестностях хозяйничает осень, все перекрашивает и переименовывает: золотит березовые рощи, переворачивает желтую стерню на другую, коричневую сторону — пахота, — зажигает алые гроздья рябин у дорог, будто фонари, чтобы подсвечить серенькие деньки и темные вечера.

И в город приходит осень. Которая это осень старого Тарту?

Впервые летописец упоминает этот город в 1030 году, когда киевский князь Ярослав Мудрый, завершив удачный военный поход, заложил здесь крепость, назвав ее в честь своего христианского имени Юрьевом. Но и до этого было тут, на высоких холмах, городище древних эстов. Помнят тартуские холмы рогаые шлемы псов-рыцарей, видели гордых польских панов и чопорных шведских генералов. Если бы холмы заговорили, они смогли бы рассказать, как лично сам, возвышаясь над колонной солдат, вел в атаку русские войска Петр Великий, чтобы отвоевать тартускую крепость от шведов.

Город знал чуму, голод и смерть в годину войны, знал расцвет культуры, науки и архитектуры в дни мира. По-

«Дождик, дождик, перестань!..»

ляки и шведы открывали здесь высшие училища церковного характера, чтобы укрепить влияние своих религий в Прибалтике. В старой университетской библиотеке хранится рескрипт Александра I с его личной подписью и печатью — об учреждении в Тарту (тогда Дерпте) университета, привилегированного учебного заведения для сыновей русских дворян и прибалтийских баронов. Город помнит беспокойные осенние ночи, когда бурши — члены студенческих корпораций, — съехавшись после каникул, дебоширили до рассвета после попойки, по «традиции» разбивая окна у перепуганных обитателей окраин.

Но сохранилась и добрая память о многих питомцах Дерптского университета, о тех, кто принес ему неуязвимую славу в разных областях науки, кто сделал традицией преподавания стремление к новому, передовому. Их бюсты установлены в аллеях городских парков, и кажется, что старые клены, заглядывая в вы-

сокие окна, нашептывают их имена юному поколению, склонившемуся над книгой в читальных залах и аудиториях.

С удивительной силой чувствуешь здесь в осенний вечер дыхание истории, будто осязаешь проносащиеся мимо тени легенд и преданий.

Но то вечером.

А вот и осеннее утро входит в город вместе с торопливой толпой студентов в маленьких круглых форменных шапочках с козырьками. У этого утра молодой голос, веселый смех, бодрые мысли; оно радуется запахам свежести, яблок и опавших листьев, румянцем щек и желанием сделать за этот день как можно больше! Оно энергично заполняет весь город, и история охотно уступает ему место. И вот уже полное сил утро входит в аудитории, библиотеки и лаборатории, в заводские цеха, классы, в мастерские художников и на стройки. Ничего, что хмурится небо и из толстых слоистых туч то и дело сеет мелкий дождик, — так даже лучше: скорее проходит

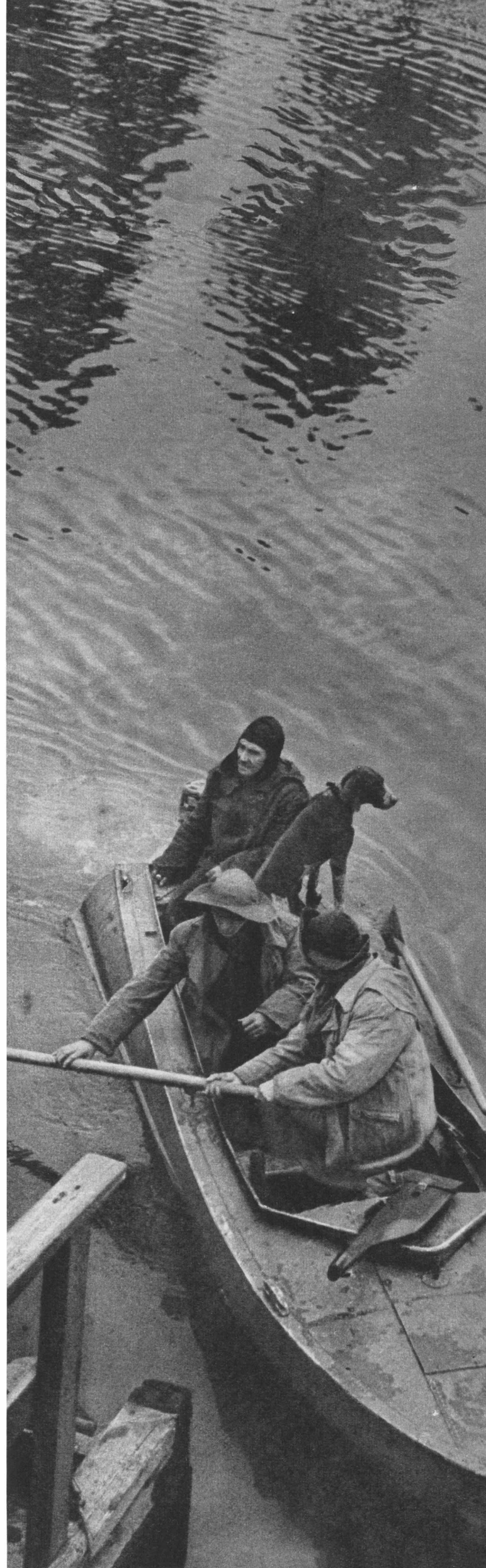
Дежурный по путям Хуберт Сильд высоко поднял фонарь навстречу новому составу: пусть в этот темный и дождливый вечер гостеприимно светят приходящим поездам станционные огоньки.

настроение отпусков, пляжей, купаний. Пора за работу! Городу надо учиться: ведь в нем вместе с заочниками почти семь тысяч студентов. Городу надо строиться: нынче он отпразднует триста новоселий в больших городских домах, да на окраинах сотни уютных индивидуальных домов подводят под крышу. Городу надо работать: в нем много заводов, а через семь лет будет еще больше. И вырастет город, поднимется ввысь и раздастся вширь, потеснит заречные поля.

Нет, нынешняя тартуская осень просто не оставляет места для грустных, соответствующих этому времени года настроений: в ней много энергии, планов на будущее, деловитости.

Заполнился читальный зал университетской библиотеки.

«Ни пуха вам, ни пера, ни уши, ни рыбы!» Григорий Игнатьевич и Володя Тришкины и Иоханнес Квитунг с псом Терри отправляются к берегам Чудского озера.

СЛУЧАЙ В МИНИСТЕРСТВЕ

Рассказ

Карло МОНТЕЛЛА

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Синьор Иджинио Торделли, счетовод десятого класса в Кредитном банке города Н., вот уже три года ждал надбавки к жалованью за свой новый чин. Известно, что такие дела всегда затягиваются, и государственные служащие научились ждать. Впрочем, они утешают себя, думая, что чем больше проходит времени, тем большая накапливается сумма, и так как они не обладают достаточной стойкостью, чтобы откладывать каждый месяц хоть немножко денег — да это и невозможно при мизерных размерах их зарплаты, — то они в конце концов даже довольны этим принудительным сбережением, которым они обязаны министерской медлительности и бюрократической волоките. И с каждым новым месяцем они радостно потирают руки, радуясь увеличению общей суммы.

Но всему есть предел, и, по правде говоря, трехлетней задержки, как у синьора Торделли, не помнил еще ни один чиновник. К тому же нельзя сказать, чтоб синьор Торделли все эти три года так уж совсем и не беспокоил министерство: начальник отделения кавалер Самуэли раз пять лично писал туда, но его письма не производили в министерстве никакого впечатления, поэтому он начал даже испытывать некоторую неприязнь к синьору Торделли. И когда тот наконец предстал перед ним в шестой раз и начал бормотать: «Извините, кавалер, что я снова позволил себе вас беспокоить по моему делу. Вы знаете, эта надбавка...» — кавалер Самуэли едва не вышел из себя и не закричал: «Довольно, не смейте больше надоедать мне! Что вы хотите от меня со своей надбавкой?» Однако, овладев собой, он только вздохнул со смиренным видом:

— Я знаю, знаю. Но что я могу поделать? Вы же видели, они даже мне не отвечают. Знаете, что я вам скажу: остается только одно: если вы хотите получить свою надбавку, идите и возьмите ее.

Синьор Торделли сначала не понял:

— То есть как это, кавалер, идите и возьмите?

— Да, да. Поезжайте в Рим, пойдите в министерство и заставьте их разыскать свое дело тут же, при вас. Я вам дам два дня отпуска. Вы никого не знаете в министерстве, кто мог бы вам помочь?

Такой совет начальника поверг синьора Торделли в замешательство, и он смог только выговорить:

— Хорошо, кавалер, я поеду, как вы говорите... Благодарю вас, кавалер... — И он вернулся в свою комнату, захваченный этой огромной мыслью: поехать в Рим, пойти в министерство, в ми-ни-стер-ство!..

При одной только мысли об этом у него хватывало дыхание, и он дошел даже до того, что стал сомневаться, серьезно ли говорил кавалер Самуэли, давая ему этот совет.

Но в то время, как синьор Торделли сидел за своим столом, опустив голову, и чувствовал, что вся его решительность улетучивается всякий раз, как он повторяет про себя это ужасное слово «министерство», словно на совести у него было темное пятно, одно воспоминание вдруг заставило его вздрогнуть. Это — воспоминание о комендаторе Марини, его бывшем начальнике, который теперь заведовал департаментом в министерстве. В одно мгновение к синьору Торделли снова вернулась решительность. Конечно же, комендатор Марини узнает его, будет даже приятно вспомнить о годах, проведенных вместе, — одним словом, он поможет ему овладеть этой пресловутой надбавкой. И с этого момента

синьор Торделли почувствовал себя вдруг преисполненным отваги, ему даже казалось, что решение отправиться в министерство придает ему известную значительность, и он сразу же поспешил известить об этом своих коллег:

— Еду в министерство... Да. Хочу попросить внеочередной отпуск, чтоб поехать в министерство... Разрешу этот вопрос лично в министерстве... — Он делал ударение на слове «министерство», произнося его с особой значительностью, и чувствовал, как с каждым разом растет в нем сознание собственного значения.

Дома он торжественно объявил жене, что должен поехать в министерство. Бедная женщина сначала испугалась, но, узнав, что синьор Торделли едет для того, чтобы вытребовать надбавку к жалованью, которую она вот уже три года ждала с неменьшим нетерпением, чем муж, стала одолевая его сотней советов и наставлений, говоря ему, чтоб он заставил себя выслушать и не вел себя в решающие минуты, как дурак.

Все это обилие слов — нужно знать, как назойливы жены служащих, — синьор Торделли пропустил мимо ушей.

Наконец он подал начальнику отделения официальное заявление о внеочередном двухдневном отпуске, выведя печатными буквами в графе «Причина» «Посоветоваться с министерством» (кавалер Самуэли, со своей стороны, не заметил этой смысловой неточности), и назначил день отъезда. Жена позаботилась о том, чтобы привести в порядок его парадный костюм, сменила манжеты и воротнички на двух рубашках и даже купила ему пару новых носков, как будто он должен был снимать туфли в присутствии министра. Со своей стороны, синьор Торделли затратил пятьсот лир на шелковый галстук с красными и голубыми полосками и одолжил у своего недавно женившегося молодого коллеги маленький кожаный чемодан. Мысль о поездке занимала его постоянно; что бы он ни делал, в его сознании непрерывно возникало только одно слово «министерство»... В конторе ему не удалось сосредоточить свое внимание на работе, дома он нервно расхаживал взад и вперед по комнатам. Одним словом, он жил в таком возбужденном состоянии, словно должен был поехать в министерство для того, чтобы занять там пост министра. Он даже забывал о самой причине поездки и почти не вспоминал о надбавке.

Чтобы все соответствовало торжественности случая, синьор Торделли хотел было взять билет второго класса — известно, что первым классом ездят только депутаты парламента и прочие важные лица, пользующиеся бесплатным проездом по железной дороге, но, сделав подсчеты, он заколебался и, утешив себя мыслью, что в третьем классе ныне встречаются многие почтенные лица, взял билет третьего класса.

Он выехал глубокой ночью. В купе храпели пассажиры. Синьор Торделли сел рядом с хорошо одетым господином, который спал, открыв рот, и чуть ли не три часа подряд слушал, как стучат колеса в такт словам, которые он мысленно повторял про себя: «Еду в министерство... в ми-ни-стер-ство... ми-ни-стер-ство...» Ему не удавалось сомкнуть глаз. Когда на заре другие пассажиры — два солдата и синьора средних лет, не считая господина справа, — начали потягиваться и протирать глаза, синьору Торделли захотелось погово- рить.

— Когда будем в Риме? — спросил он сидевшего рядом с ним господина.

— В девять сорок пять, — ответил тот. — Если не опоздаем.

— Спасибо, — сказал синьор Торделли, — будем надеяться, что не опоздаем. Мне необходимо в министерство, посоветоваться... по одному важному делу...

Господин не ответил. В вагоне началось движение, по коридору взад и вперед проходили люди с полотенцами в руках, растрепанные, с глазами, опухшими от сна.

Синьор Торделли поерзал на сиденье, потом обратился к военным:

— В отпуск едем, а?

— Нет, возвращаемся, — ответил один из них.

Вид у них и в самом деле был невеселый.

— А я еду в министерство по одному важному делу, — сказал, откашлявшись, синьор Торделли.

Но остальные молчали, и спустя несколько минут он решил встать и поразмять ноги в коридоре. Ему было немного досадно, что никто не захотел побеседовать с ним. А впрочем, после того как он уже дважды сказал, что едет в министерство, что он мог еще прибавить?

Потом синьор Торделли вернулся в купе, степенно сел на свое место и начал думать о комендаторе Марини. Каким он стал? Узнает ли он его? Может, он теперь лысый? Да, это по-настоящему благородный человек! И какую он сделал карьеру! Конечно, комендатор примет его сердечно, засыплет сотней вопросов. Они будут болтать, как старые друзья. Может быть, он пригласит его пообедать... Убаюканный этими мыслями, он незаметно заснул и открыл глаза, лишь когда поезд остановился в Риме, прибыв точно по расписанию.

Среди всех министерств, построенных в столице в самом конце прошлого века и начале нынешнего, министерство финансов было как раз таким, в котором менее всего проступал стиль, характерный для министерств всего мира, стиль, истоки и сущность которого тщетно было бы искать в истории архитектуры и который можно было бы определить, считая

его явлением изолированным, как стиль «бюрократического величия», составленный из колонн, арок, пилястров, карнизов, консолей, завитушек и всякого рода орнаментов, заимствованных у классической греческой архитектуры, у пышных индийских храмов, у готики и возрождения, у барокко, рококо, liberty, — все это, перемешанное вместе в колоссальном нагромождении мрамора и заставляющее думать бог знает почему о бесстрастной сухости правительственных бюллетеней.

В министерстве финансов следы этого стиля незаметны. Должно быть, одна мысль о том, какие скучные конторы должны были здесь разместиться: кадастр, регистр, бюро налогов, интендантство, — убивала фантазию его создателя; оно представляет собой просто огромный голый корпус желтого цвета, похожий на казарму, с сотней совершенно одинаковых окон, за которыми так и представляется бесчисленная армия чиновников, заваленных по горло цифрами и сводками.

Синьор Торделли прямо с вокзала направился в министерство. Едва он очутился перед этой громадой, его охватил экстаз. «Министерство!» — подумал он и несколько минут оставался неподвижным, предаваясь созерцанию и не замечая вокруг себя шумного движения.

Затем, снова вернувшись к действительности, он глубоко вздохнул и размеренным, даже торжественным шагом, в котором выражались переполнявшие его в этот момент возвышенные чувства, направился к огромным воротам.

Широкие, словно триумфальная арка, ворота вели в обширный, как площадь, двор. Синьор Торделли остановился посредине двора, обвел взглядом длинные ряды автомобилей, выстроенных вдоль стен, поднял глаза и увидел сотни одинаковых, серых, непроницаемых окон, и тут впервые его охватил страх: он вдруг почувствовал себя затерявшимся, как песчинка в пустыне.

Так он стоял еще некоторое время, оглядываясь вокруг, потом степенной походкой вернулся к выходу. У ворот стоял внушительного вида швейцар. Заложив руки за спину, он равнодушно наблюдал, как в двери министерства входили и выходили люди, и лишь изредка подносил руку к фуражке, когда мимо проезжал автомобиль с каким-нибудь важным лицом и можно было разглядеть в глубине машины его очки и шляпу. Если бы не бархатный воротник и не фуражка с галунами, синьор Торделли никогда бы не подумал, что это всего-навсего швейцар. Он подошел к нему и, с достоинством коснувшись своей шляпы, сказал:

— Простите, я работник министерского аппарата, мне нужно посоветоваться по одному важному делу с комендатом Марини. Вы не скажете, где... — и он в смущении не кончил фразы.

Швейцар одно мгновение разглядывал его, как какой-нибудь любопытный предмет, по-прежнему держа руки за спиной, потом ответил:

— Кого вы ищете? Как вы сказали? Комендатор... Милый мой, здесь у нас комендаторов больше, чем мух. Комендаторами здесь хоть трубки набивай! Откуда я могу знать... В каком управлении служит этот ваш комендатор?

Синьор Торделли почувствовал себя уничтоженным после такого ответа. С трудом сохраняя достоинство, он выдержал взгляд швейцара и сказал:

— В главном управлении пошлин и косвенных налогов.

— Вот теперь мы начинаем понимать друг друга, — спокойно отозвался швейцар. — Значит, так, главное управление налогов... это... через другой вход по лестнице направо, не помню, на каком этаже. Там спросите.

Синьор Торделли снова коснулся шляпы в знак благодарности и опять пересек двор. Он старался держаться важно, ступая решительным шагом и не глядя по сторонам, как и подобает человеку, который должен уладить очень важное дело и принужденно добивается приема у главы кабинета министров. Но слова швейцара смутили его, и он шел, не чувствуя под собой ног. Он поразился, с каким непочтением швейцар говорил о комендаторах министерства: ведь все они были начальниками отделений и главными инспектора-

ми. При одной мысли, что тот мог сказать громко в его присутствии, будто комендаторами здесь хоть трубки набивай, его бросало в дрожь, и швейцар казался ему самим дьяволом. Поэтому, когда он, пройдя огромный двор, подошел ко второму подъезду министерства и увидел здесь другого швейцара, удивительно похожего на того, с которым он только что говорил, он невольно остановился у одного из пилястров и огляделся по сторонам, стараясь самостоятельно ориентироваться. Но то ли оттого, что он боялся швейцара, то ли оттого, что он с самого начала все понял не так, только он ошибся и перепутал стороны. Синьор Торделли обогнул пилястр и направился к лестнице, наблюдая краешком глаза за швейцаром, стоявшим у дверей прямо, как палка, с сигарой во рту. Очутившись перед широкой лестницей, синьор Торделли вздохнул и подумал: «Теперь так... Да, этаж... какой же этаж? Ладно, пока дойду до второго. Конечно, незачем подниматься на третий...»

И он пошел по лестнице, держась поближе к стене и не глядя на встречных, серьезно уставившись на ступеньки. Вдруг он почувствовал словно толчок от внезапной мысли: ведь эти ступени были министерскими ступенями — и он должен был остановиться, чтобы перевести дух, не от усталости, а от сильного волнения. Потом он двинулся дальше и поднялся на второй этаж, где очутился перед высокой стеклянной перегородкой с дверью, которая была закрыта и которую нужно было открыть, чтобы попасть в коридор. Но перед дверью стояли несколько человек, о чем-то разговаривая. Среди них выделялся представительный мужчина, который все время повторял: «Понятно? Ясно, да?» — в то время как остальные слушали его, почтительно кивая головами. Синьор Торделли, затаив дыхание и ни секунды не колеблясь, устремился к следующему маршу лестницы, ведущему на третий этаж. Здесь дверь в стеклянной перегородке была открыта, и, едва переступив через порог, синьор Торделли увидел за столиком вахтера, набивавшего трубку. Синьор Торделли сделал несколько шагов, кашлянул и робко произнес:

— Простите, я работник министерского аппарата... Мне нужно посоветоваться с комендатом Марини...

Вахтер, зажигавший в этот момент спичкой свою трубку, не поднял глаз до тех пор, пока из трубки не поднялось плотное облачко дыма.

— А? — сказал он. — Что вы говорите? Кого вы ищете?

— Комендатора Марини, — повторил синьор Торделли. — Я должен посоветоваться с ним по одному делу...

— Комендатора Марини? — ответил вахтер и запнулся, быстро сплюнув что-то горькое, попавшее ему в рот из трубки. — Комендатора Марини? Здесь таких комендатомов нет.

— Спасибо, — сказал синьор Торделли, касаясь шляпы, и снова очутился на площадке третьего этажа.

Конечно, грубость вахтера объяснялась тем, что ему попало в рот что-то горькое, но, во всяком случае, не было никаких оснований сомневаться в том, что никакого комендатора Марини там в самом деле не было.

«Так, а теперь... да лучше... так как...» — подумал синьор Торделли, охваченный темным беспокойством. — Подняться на четвертый этаж... попробую на четвертом этаже... а потом...»

Тут вахтер не набивал свою трубку, а просто читал газету.

— Здравствуйте. Простите, я работник министерского аппарата, — повторил синьор Торделли свою обычную фразу. — Мне нужно посоветоваться с комендатом Марини...

Вахтер, оторвав взгляд от газеты, несколько секунд пристально смотрел на синьора Торделли, потом вдруг, словно свалившись с неба, спросил:

— Комендатор Марини? Может, вы хотите сказать, комендатор Мартини?

— Нет, нет, Марини. Комендатор Марини, — повторил синьор Торделли.

Вахтер принялся размышлять, надолго погрузившись в молчание, причем глаза его снова опустились к газете, и казалось, что он опять преспокойно читает.

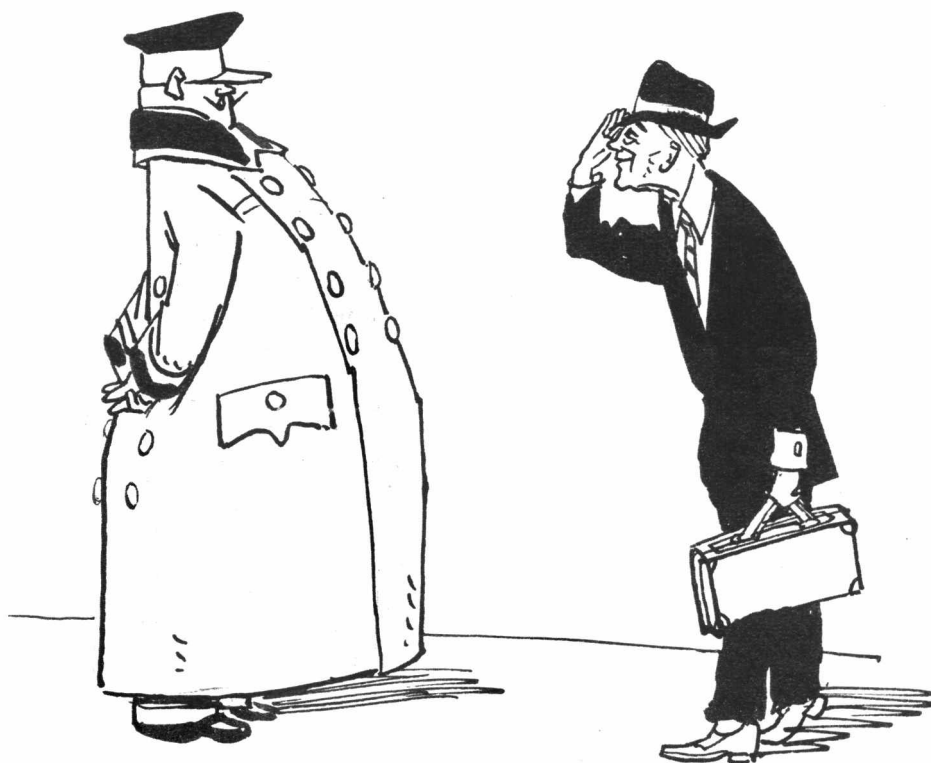
— Нет, — сказал он наконец, встряхиваясь. — Комендатора Марини здесь нет. Есть только комендатор Мартини, если он вам нужен...

— Спасибо, — произнес синьор Торделли, касаясь шляпы, — я искал... Спасибо. — И он очутился на площадке четвертого этажа.

Теперь ему ничего не оставалось, как только спуститься на второй этаж. Он достал из кармана часы и увидел, что уже без четверти двенадцать.

«А что, если и на втором этаже тоже нет комендатора Марини?» — промелькнуло у него в голове.

При одной этой мысли он вздрогнул и быстро начал спускаться по лестнице. Он повторял себе, что его бывший начальник комендатор Марини не может его покинуть. Сквозь огромные окна лестничной площадки был виден широкий, как площадь, двор и бесчисленные окна других корпусов министерства. Множество людей: служащие, рабочие, чиновники — сновали повсюду взад и вперед с озабоченным видом, и синьора Торделли вдруг охватило такое чувство, будто он заблудился в незнакомом городе. Но мысль о том, что каждый

из этих сотен людей, которыми кишело министерство, был его непосредственным начальником и каждый из них мог вдруг сказать ему: «Вы, что вы тут делаете? Что вы ищете? Кто вам позволил? Как вы смеете?» — эта мысль чуть не повергла его в панику.

Когда он очутился на площадке второго этажа, в висках у него стучало, он тяжело дышал.

Дверь в стеклянной перегородке была открыта. Вахтер сидел, облокотившись на стол.

— Мне нужно посоветоваться... — сказал синьор Торделли, делая над собой усилие, чтобы важно выговаривать слова, — с комендатором Марини... по одному важному делу...

И вдруг случилось невероятное: комендатор Марини действительно был здесь.

— Вы условились о встрече с комендатором? — спросил вахтер.

— Нет, то есть я... старый его сослуживец... — начал объяснять синьор Торделли. — Комендатор, конечно, вспомнит... назовите ему мое имя: счетовод...

— Заполните вот это, — сказал вахтер, протягивая ему печатный бланк, на котором было написано: «Синьор... желает беседовать с... причина...»

Тревога и страх, все сильнее овладевавшие синьором Торделли, мгновенно улетучились. Слово свежий ветерок коснулся его лба. Он солидно кашлянул несколько раз и, ожидая, пока его примет комендатор Марини, начал прохаживаться взад и вперед перед столом вахтера. Огромные размеры министерства теперь не пугали его, напротив, он стал вдруг словно центром всего этого мира, он чувствовал, как его раздувает от важности, как его охватывает приятное ощущение уверенности в себе.

Он подошел к одному из окон со стеклами, начищенными внизу на уровне человеческого роста, а вверх темными от пыли, бросил взгляд во двор и почувствовал гордость оттого, что он принадлежал к этой огромной семье чиновников, для которой министерство было своим домом. Да, именно так он теперь чувствовал себя здесь, в министерстве, и это чувство усиливалось еще тем, что все здесь внутри было таким же, как в любой провинциальной конторе, только больших размеров: такие же окна с грязными стеклами, только гораздо шире; такие же двери, покрытые серым лаком, только побольше; такие же коридоры с выщербленными полами, только длиннее; и, на-

конец, тот же запах окурков, пыли, старого дерева и уборных с вечно открытыми дверями, запах, который царит во всех учреждениях любого типа и любого значения. И то, что все это было здесь, было таким огромным, бесконечным, приводило синьора Торделли в восторг, переполняло его сильнейшим волнением.

— Вы, синьор Порчелли, Пондрелли! — позвал его вдруг вахтер. — Проходите. Комендатор Марини — второй коридор направо, комната номер шесть.

Синьор Торделли шел по коридору, чувствуя, как все в нем напряжено и в то же время восторженно замирает. Очувтившись перед дверью комнаты номер шесть, он переложил шляпу из правой руки в левую, глубоко вздохнул, как будто только что вынырнул с большой глубины на поверхность, слегка наклонил вперед голову, готовясь к поклону, и осторожно постучал согнутым пальцем. Затем, медленно-медленно поворачивая ручку двери, он начал наклонять уже не только голову, но и корпус и увидел за громадным письменным столом, заваленным бумагами, совсем незнакомого человека, совершенно лысого и с огромными очками на носу.

— Входите, входите! — сказал тот, не поднимая головы и продолжая одну за другой подписывать бумаги, лежавшие в папке.

Синьор Торделли закрыл за собой дверь и смущенно прошел к нему через комнату, обставленную с министерской пышностью. Глядя на эту таинственную личность за столом, он решил, что это, наверно, секретарь или заместитель комендатора.

— Присаживайтесь. Что вы хотите? — сказала вдруг грубо личность, окончив подписывать бумаги и глядя прямо в глаза синьору Торделли.

— Здравствуйте, — начал тот. — Я вот должен был посоветоваться... с комендатором Марини...

— Ну, так я слушаю, — ответил лысый господин, приподнимая брови. — Я комендатор Марини.

Синьор Торделли окаменел. Он устался на господина за столом и делал немислимое усилие, стараясь узнать в нем другого, знакомого ему комендатора Марини, наконец, вместо того, чтобы, набравшись мужества, сказать, что произошло, по-видимому, какое-то недоразумение, он пробормотал:

— Вы комендатор... Я... Вы меня не узнаете?

— Нет, — сказал комендатор Марини нервно. — А что, разве вы меня знаете?

— Нет, комендатор, я... знаете ли... Я хотел посоветоваться с комендатором Марини...

— Проклятье! — воскликнул комендатор, подсакивая. — Ну, это я! Говорю вам, это я! А вы кто такой? Можно узнать, что вам угодно?

Синьор Торделли почувствовал, что у него дрожат ноги, вся комната вдруг заходила кругом.

— Я, комендатор... — снова пробормотал он, — я хотел просить вас... хотел обратиться по поводу...

И в волнении, не зная, что сказать, он начал объяснять этому незнакомому комендатору свое дело, как будто перед ним был тот самый настоящий комендатор Марини, которого он искал.

— По поводу чего?

— По поводу надбавки... за три года, то есть со дня моего повышения в десятый класс... Мы, видите ли, то есть кавалер Самуэли уже хлопотал, но безрезультатно...

— Да что за черт! — закричал комендатор, совершенно теряя терпение. — При чем здесь я?! Как это вам пришло в голову соваться ко мне с вашей надбавкой? Что я, начальник центральной бухгалтерии? Как это вам взбрело в голову, говорю я?! Как вы себе позволили?!

С каждым словом его возбуждение росло все больше и больше, он покраснел до кончиков ушей и судорожно ворошил на столе бумаги. Наконец он нажал кнопку звонка к вахтеру и, едва тот появился, закричал ему:

— Проводите синьора в административное бюро! И никого больше не впускайте, никого!

Вахтер знаком пригласил синьора Торделли следовать за собой. Тот стоял неподвижно, как столб, посреди комнаты, и единственным признаком жизни было дрожание рук, сжимающих поля шляпы.

С этого момента все пошло гораздо быстрее. Растерянный, униженный, сгорая от стыда, синьор Торделли проследовал за вахтером, указывавшим ему дорогу, через лабиринт коридоров, совершенно не понимая, куда он идет, и потеряв всякую способность ориентироваться. Наконец, вахтер ввел его в комнату, где за широким письменным столом сидел тип, который тоже вполне мог оказаться комендатором. Он уже заранее приподнял бровь и изобразил на своем лице недовольство.

— В чем дело? Что вы хотите? — сказал он сразу же, резко обращаясь к синьору Торделли.

У всех служащих бухгалтерии и расчетных отделов обычно бывает такой вызывающий вид, потому что они не привыкли слышать ничего другого, кроме жалоб, и считают себя все чуть ли не директорами банка по той простой причине, что от их подсчетов зависит, чтобы сотни их коллег в конце месяца получали свою зарплату.

— Я... Здравствуйте... — начал синьор Торделли, набирая в себя воздух после каждого слова. — Я хотел бы попросить вас об одном деле... речь идет о... Уже ровно три года, как меня повысили в десятый класс... надбавка...

— Значит, еще не успели вас оформить! Что вы думаете, здесь только одно ваше дело и что, что... — Но тут начальник расчетного отдела, должно быть, почувствовал угрызения совести за то, что так грубо оборвал синьора Торделли. Решив, что три года, пожалуй, действительно многовато для обычной процедуры с надбавкой и что в деле могла оказаться какая-нибудь ошибка, он сухо спросил синьора Торделли:

— Как ваше имя?

— Торделли... Тор-делли, да... Иджинио... счетовод, — ответил тот, крепко сжимая в руках шляпу.

— Торделли... Торделли... счетовод, — повторил начальник расчетного отдела, записывая это себе на листке бумаги.

— Возведен в класс?

— Десятый.

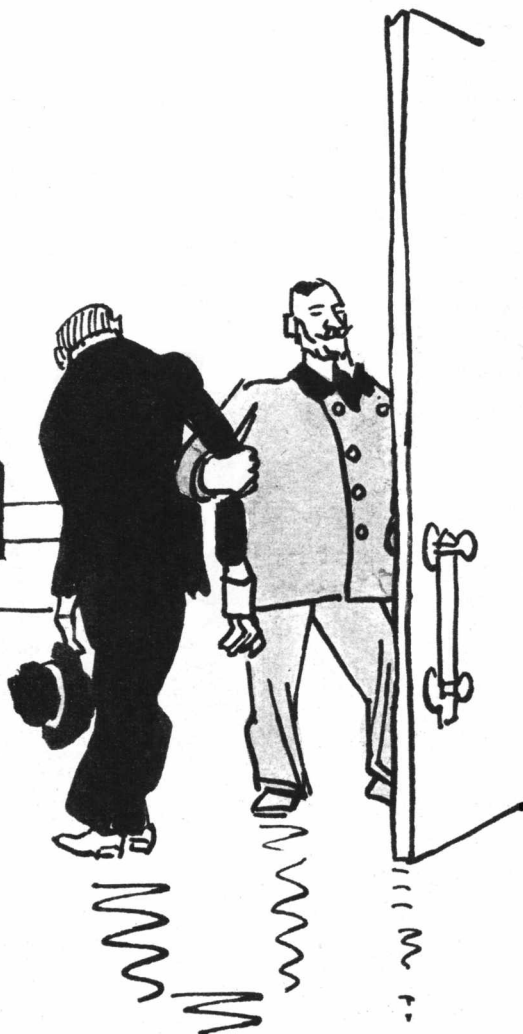
— Десятый класс... С какого числа?

И, пометив себе также и это, он, отдуваясь и ворча, начал раздраженно стаскивать с полок своего архива карточки, дела, папки, полные бумаг, перелистывать и бросать в воздух с яростью, но в то же время в определенном порядке, так что через пять минут вся комната превратилась в бурное море министерских бумаг.

— Но позвольте вас спросить,— воскликнул вдруг начальник расчетного отдела, обращаясь к синьору Торделли, который по-прежнему стоял, словно столб, не смея пошевелиться,— позвольте спросить, в каком бюро вы служите? Здесь даже нет вашей личной карточки! И он пристально уставился на него, ожидая ответа. Синьор Торделли поспешно кашлянул.

— Да, синьор,— сказал он,— в налоговой конторе Кредитного банка...

— Что?! — подпрыгивая, закричал начальник

расчетного отдела. — Что вы сказали? В Кредитном банке? Налоговой конторе?

— Так точно, в налоговой конторе Кредитного банка,— машинально повторил синьор Торделли.

— Да вы что, с ума сошли?! — вне себя заорал начальник расчетного отдела. — Или с ума сошел тот, кто вас сюда послал? Кредитный банк! Налоговая контора! Здесь главное управление Государственного Долга!

Из всего того, что ему потом еще прокричали, синьор Торделли больше уже ничего не понял. Он даже начал подумывать, не стукнули ли его по голове.

Сам не зная как, он снова очутился в коридоре и прислонился к стене, чуть не теряя сознание. Он весь дрожал, лицо его приобрело землистый оттенок, а по вискам стекали струйки пота. Все, что произошло с ним за последние полчаса, уничтожило его окончательно. За всю свою тридцатилетнюю карьеру он еще никогда не подвергался такому унижению, никто еще не обращался с ним так. В эту минуту седовласый синьор Торделли готов был расплакаться, как ребенок.

Он не знал, где он теперь находится, и не мог сориентироваться в этом бесконечном сплетении коридоров со множеством закрытых дверей. При мысли о бескрайних размерах министерства ему начинало казаться совершенно невыносимым пуститься в путь одному — и потом куда, в какую сторону? Однако не мог же он здесь оставаться вечно. Кто-нибудь мог вдруг подойти и спросить его: «Вы что здесь делаете?» Его могли арестовать.

И, охваченный этим новым страхом, он двинулся прямо по коридору, ступая, как вор, на кончики пальцев и украдкой поглядывая на все эти закрытые двери справа и слева от него. На каждой двери была табличка. Проходя мимо одной из них, он невольно приблизился к ней, чтобы прочесть, что там написано. И прочел: «Комендатор Панталео Саркьяполи — главный инспектор». Синьор Торделли остановился, затаив дыхание. Он повернул голову, и взгляд его упал на другую табличку, где он прочел: «Комендатор Джероламо Джаккеттони — первый референт». Синьор Торделли испуганно огляделся вокруг. При мысли, что он должен пройти по длинному коридору мимо всех этих комендаторов, он почувствовал, как ноги у него подгибаются. Ему хотелось бы сейчас поскорее скрыться, пуститься бежать, руки его дрожали, он весь вспотел.

Устремив взгляд в землю и ничего не видя вокруг, он быстрым шагом направился даль-

ше. Дойдя до конца коридора, он повернул направо, потом прошел еще немного и повернул налево. Он не знал, куда идет, но не смел остановиться. Коридорам не было конца, и на всех дверях, на сотнях дверей были таблички с фамилиями. Пол, стены — все вокруг плыло у него перед глазами. Вдруг он очутился перед большой закрытой дверью, которая, как казалось, вела на лестницу. Считая себя уже спасенным, синьор Торделли открыл ее и в оцепенении замер. В одно мгновение он увидел красный сверкающий пол, ковер и окно с бархатным занавесом — то была приемная министра.

Он быстро захлопнул дверь, и стук ее окончательно привел его в ужас. Он бегом бросился обратно. В висках у него стучало, а перед глазами стоял туман. Вдруг он услышал за своей спиной шаги. Синьор Торделли остановился и зажмурил глаза. Когда он вновь открыл их, то увидел спину какого-то комендатора, удалявшегося в противоположную сторону.

Охваченный страхом, он продолжал блуждать, не отдавая себе отчета, где, пока, наконец, не заметил в конце одного из коридоров маленькую открытую дверь, ведущую в кладовую для метелок и тряпок. И проблеск сознания, который в нем еще оставался, подсказал ему, что надо войти в это убежище и спрятаться там.

Он закрыл за собой дверь, сделал в темноте несколько шагов и бессильно опустился на кучу опилок. Он не мог ни о чем думать. Его охватило холодное оцепенение. Усталость наполнила свинцовой тяжестью его члены, и черная завеса опустилась на его сознание. Он уже почти не помнил, где находится. Он чувствовал под рукой влажные опилки и мог подумать, что это песок и что он сидит ночью на берегу моря. Прислонясь спиной к стене и закрыв глаза, он оставался недвижим. По ногам под штаниной полз таракан, но синьор Торделли этого даже не заметил и пальцем не пошевелил, чтобы прогнать его.

Перевели с итальянского
Ю. МАЛЬЦЕВ
и Д. БЕРНАРДИНИ.

Вечный календарь

Анатолий ВЕЛЮГИН

Те горы свежих огурцов,
что были сняты с грядок,
с укропом пущены в засол,
во тьму дубовых кадок.

В календаре не обманись,
увидев спозаранку
рябину в багреце монист,
похожей на цыганку.

Пришла на листьях ворожить
она в поблекшей сини.
— Теперь недолго лету
жить, —
встревожился осинник.

Уже слегка позолотил
деревья август поздний.
Ожину дрозд обмолотил,
и порыжели пожни.

Туман запутался в снопах,
в полях ненастных пусто.
А вереск сентябрем пропах,
и стужено — капуста.

Синица свистнула не зря:
за сизой дымкою заря
костром горит средь сосен.
И с клена, как с календаря,
листки

срывает
осень.

Лоскутным золотом опять
усыпан подоконник.
А там, глядишь, пойдут
скакать
метелиц белых кони.

Нависла осень надо мной
тревожным урожаем
лет прожитых...
И сединой
и дремой угрожает.

Я сдую. Сила есть в плечах —
не сдаться, не склониться!
Еще в рябиновых ночах
грозу сулят зарницы.

И сердцу слышится: в ответ
гремит гроза другая.
То гром, знакомый с вешних
лет,
летит мостами мая.

Живу я, в мощи молодой
досель не разуверясь.
Над грустью,
старостью,
бедой

гори, мой синий вереск!

Хоть ты мне стежку перешел
среди родной чащобы,
тобой пропахли лес и дол,
слова,
созвездья,
тропы.

Твой запах, вереск боровой,
и горьковат и сладок.
...Для пчел всего дороже
твой
осенний, поздний взятки.

Перевел с белорусского
Янов ХЕЛЕМСКИЙ.

НАЧАЛО ЭПОПЕИ

Наш друг Цюй Цю-бо

Нынешний год принес еще один талантливый роман о рабочем классе — «Истоки» Григория Коновалова, опытного саратовского литератора, известного читателям по романам «Университет» и «Степной маяк».

Коновалов задумал рассказать о нашем времени, о дружной рабочей семье Крупновых, ее революционных традициях, ее славных сегодняшних делах.

Начало романа застает семью Дениса Крупнова в старом доме на крутом берегу Волги. 1939 год. Не все Крупновы в сборе: Константин срывается в Испанию, Михаил где-то ищет свое счастье...

Роман хорошо передает тревожную предгрозовую атмосферу начала второй мировой войны, когда гитлеровская армия занимала одну за другой страны Европы. Советские люди готовились к схватке с фашизмом.

А жизнь шла своим чередом. Люди работали, дружили, влюблялись, ссорились, радовались и огорчались. Как-то особенно обостренно чувствовалась прелесть голубого мирного неба. «Как бы наперекор чьей-то мрачной решимости отнять у людей любовь, труд, семью и книги люди больше работали, читали, горячее любили, становились гостеприимнее и общительнее. Много женщин рожало в эту зиму, а акушерки шутили, что в родильных домах не хватает места для всех желающих родить».

Вот эта полнота жизни в ее достоверных деталях, полнота расцветающей советской жизни, на которую двигались тяжелые тучи войны, ощущается в романе Коновалова. Эта поэтически увиденная особенность предвоенной поры — повышенная интенсивность эмоциональной и духовной жизни — отчетливо показана в литературе саратовским писателем.

После долгих странствий вернулся в родной дом Михаил Крупнов. Сойдя с поезда, он думает, что в родном городе его встретит «провинция мысли, нравов, чувств, вкусов». Но Михаил ошибся, и как ошибся!

В его родной семье живут думами и чувствами всей страны; его братья делают важное дело: они варят сталь и воспитывают людей; Крупновы волнуют глубокие нравственные и политические проблемы.

Один из самых обаятельных героев романа — Юрий Крупнов, партийный руководитель, сильная, цельная личность. Ему нет еще и тридцати лет, но лучшие крупновские черты воплотились в нем особенно ярко. Избранный секретарем горкома партии, Юрий отчетливо представляет, почему рабочие отказали в доверии бывшему секретарю Тихону Солнцеву: его неумение или нежелание смотреть правде в глаза сказывалось на работе. После партийной конференции старый большевик Денис Крупнов, встречавшийся с Лениным, говорил сыну, как опасно приукрашивать жизнь, преувеличивать наши успехи: «Летчик подымается на семь, а скажут — на восемь километров. Хлеба намолотили, к примеру, сто пудов, а в рапорте проставим на пятьдесят больше. Кому придется расхлебывать? Статистика? Черта с два! Рабочим, коммунистам, вот кому!»

Опубликована только пер-

вая книга романа. В конце ее автор оставляет своих героев накануне трудных испытаний: танковые армии Гудериана вторглись в нашу страну. Приняли бой и Крупновы, полные веры в правоту своего дела.

Первая книга «Истоков» не имеет законченного вида: многие герои на распутье, сюжетные линии не связаны. В расчете на дальнейшее повествование Коновалов пренебрег сюжетной стройностью первой части романа.

Широкое художественное полотно о нашей советской жизни, задуманное и начатое писателем, обещает стать интересным и волнующим.

А. ЕЛКИН

Ледовый дневник

Эстонский писатель Юхан Смуул решил провести свой отпуск вместе с участниками Третьей советской антарктической экспедиции на теплоходе «Кооперация», который отправлялся к берегам шестого материка. Экспедиционная жизнь сразу и целиком захватила писателя. Отодвинув в сторону листы начатой пьесы, над которой Смуул хотел «на свободе» поработать: он еле успевает делать заметки в путевом дневнике. Шторм в Северном море, выход в Атлантику, пересечение экватора, отмеченное традиционным праздником Нептуна,

Смуул не толкался среди работающих с блокнотом в руках для записи впечатлений. Записывать по-прежнему некогда. Он включился в бригаду, разгружавшую бочки с авиационным бензином. В экспедицию Смуул давно уже вошел как «свой». Его перебрали на ледяной берег, на раскладку тяжелых экспедиционных ящиков. В общей сутолоке забыли послать людей на смену, и Смуул сутки на ветру и морозе трудился вместе со своей бригадой... Дни шли в таком же темпе и дальше. Смуул улетел на станцию Комсомольскую,

посещение мыса Доброй Надежды, океан — все это принесло с собою новые впечатления. Да и участники экспедиции — много повидавший, интересный народ; хочется лучше понять полярников, влюбленных в свои суровые высокие широты...

После многих дней морского пути вдруг разорвалась низкая, тягостная пелена облаков, скрывавшая солнце, и впереди заблестала сияющая Антарктида. Начались дни разгрузки корабля, одинаково напряженные для всех. Нет, Юхан

что лежит на высоком антарктическом плато, и жил здесь в маленьком коллективе героев-полярников.

С грустью покидал писатель через два месяца берега Антарктиды, оставляя там своих новых друзей, расставаясь с их напряженной, романтически-приподнятой жизнью. Больше задерживаться было нельзя: уходил последний корабль. Обо всем этом мы с интересом читаем в «Ледовый дневник» Ю. Смуула, опубликованной в журнале «Дружба народов», а сейчас выходящей отдельным изданием в «Роман-газете».

В. БУГАЕВ,
директор Центрального
института прогнозов

Осенью 1920 года молодой коммунист Цюй Цю-бо покинул Китай. Волновали революционные мысли опережали движение поездов, уносившего его в Советскую Россию: «Скорей! Скорей! Скорее к цели! Советский строй... социализм... — все это можно будет изучить там, на месте! Учебы — непочатый край».

Активный деятель Коммунистической партии Китая, Цюй Цю-бо уже в юношеские годы стал страстным пропагандистом опыта Великого Октября. Всю свою жизнь он сознательно подчинил служению идеям пролетарской революции. Вместе с Мао Цзэ-дуном, Ли Да-чжао, пионерами марксизма в Китае, он закладывал фундамент коммунистической партии.

Жизнь Цюй Цю-бо оборвалась трагически: 18 июня 1935 года он был расстрелян гоминдановскими палачами. «Меня ждет смерть, — писал он перед казнью, — но на мое место встанут сотни миллионов, которые пойдут вперед. Погибнуть во имя революции — величайшая честь для человека».

С волнением открываешь книгу избранных очерков и статей Цюй Цю-бо, вышедшую на днях в Москве. Впервые советский читатель знакомится с произведениями замечательного китайского коммуниста, верного друга нашей страны.

В книге объединены «Путевые заметки о новой России», «Впечатления о Красной столице», написанные за время двухлетнего пребывания Цюй Цю-бо в Москве в 1921—1923 годах. «В тех краях, конечно, лютый мороз и жуткий голод, — писал Цюй Цю-бо, — обращаясь к читателям. — Но меня это не страшит... У меня только одна мечта — проложить для всех вас путь к свету».

В Москве Цюй Цю-бо посещает заводы и фабрики, детские дома и трудовые школы, музеи и книжные магазины. В суровых буднях советских людей наш китайский друг увидел реальность грандиозных планов социалистического строительства и с пафосом, проникновенно донес все это до читателей.

С особой теплотой Цюй Цю-бо описывает свои короткие, оставившие глубокий след в душе юноши встречи

Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. Гослитиздат. Москва. 1959. 272 стр.

Юрий ГАРУШАНЦ

МАССОВЫМ ТИРАЖОМ...

В издательстве «Знание» вторым изданием вышла брошюра Юрия Прокушева о жизни и творчестве Сергея Есенина. Особенно подробно освещает автор ранний, малоизвестный период творчества поэта. Прокушев показывает, как Есенин — современный эпохи революционной ломки человеческих отношений — постепенно преодолел заблуждения и ошибки своего творческого роста, стремясь «постигнуть в каждом миге коммуной вздыбленную Русь». Со страниц книжки встает образ поэта-патриота, лирика которого проникнута одной большой любовью, любовью к нашей Родине. В приложении к брошюре даны некоторые лучшие стихи С. Есенина.

В. ГАЛИН

Игрушки—детям

Забавные куклы — лесовики и стригушки — первыми встречают гостей на Выставке русской народной игрушки XVIII—XX веков. Немудрящий материал — солома, шишки и мох, — да и сами соломенные старички и молодушки немудрящи, но сколько в них теплого юмора, мягкой поэзии! Они так задушевно и притягательны, что сразу определяют отношение посетителей к этим произведениям русского искусства.

Затем из мира сказки мы попадаем в мир вполне реальный, хотя это тоже мир прошлого. Яркий, цветастый, он заселен смешными дымковскими барынями, миловидными кормилицами, надутыми кавалерами, лихими городскими ямщиками и их горделивыми конями. Деревянные кузнецы куют, дровосеки рубят дрова, купцы едут на ярмарку, где кривляются медведь с козой...

Талантливые мастера, творцы игрушек, — народ обстоятельный, любящий точность в деталях. И потому на выставке множество крошечных сколков с предметов нехитрого крестьянского обихода прошлых лет: грабли, серпы, вилы, рубанки, мебель, посуда. И все это помещается в лакированное деревянное яйцо и зовется бирюльками. Наши — вполне современные — ребята так жадно глядят на эти прелестные, прямо-таки ювелирные изделия, что просто досада берет на наших современных игрушечников: ну почему они совсем забыли бирюльки, разве щепы у нас мало?!

Самый большой зал выставки показывает советскую игрушку. Здесь и бесчисленные румяные матрешки, и причудливая хохломская мебель, и множество забавных богородских зверушек. И опять сказки, которые так любят дети. Зателиво воплощенная в дерево богородским резчиком Н. А. Ерошкиным «Сказка о рыбаке и рыбке». Деревянные же «Три поросенка», «Колобок», «Квартет»... На стендах читаешь имена мастеров — Михеева, Шишкина, Сидорова, Пронина — и радуешься, что живет, не потускнело самобытное народное искусство! А затем с огорчением думаешь: разве это правильно, что изделия народных мастеров можно увидеть только под стеклами музейных витрин? Не пора ли этим чудесным игрушкам появиться в магазинах?

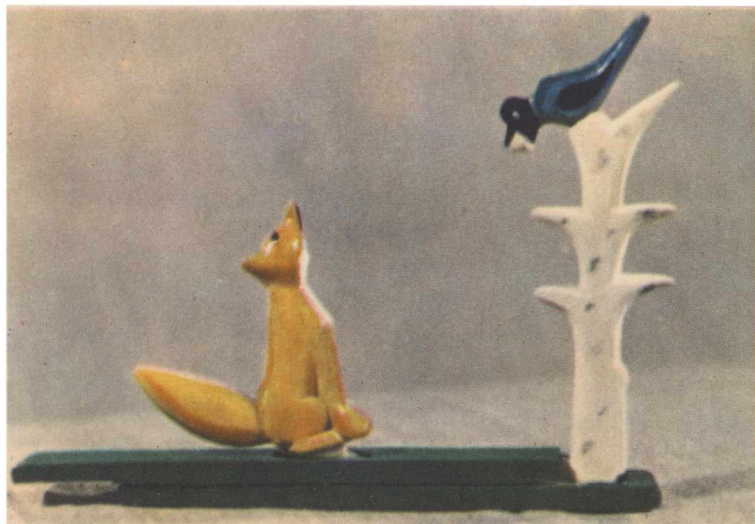
Н. Верина

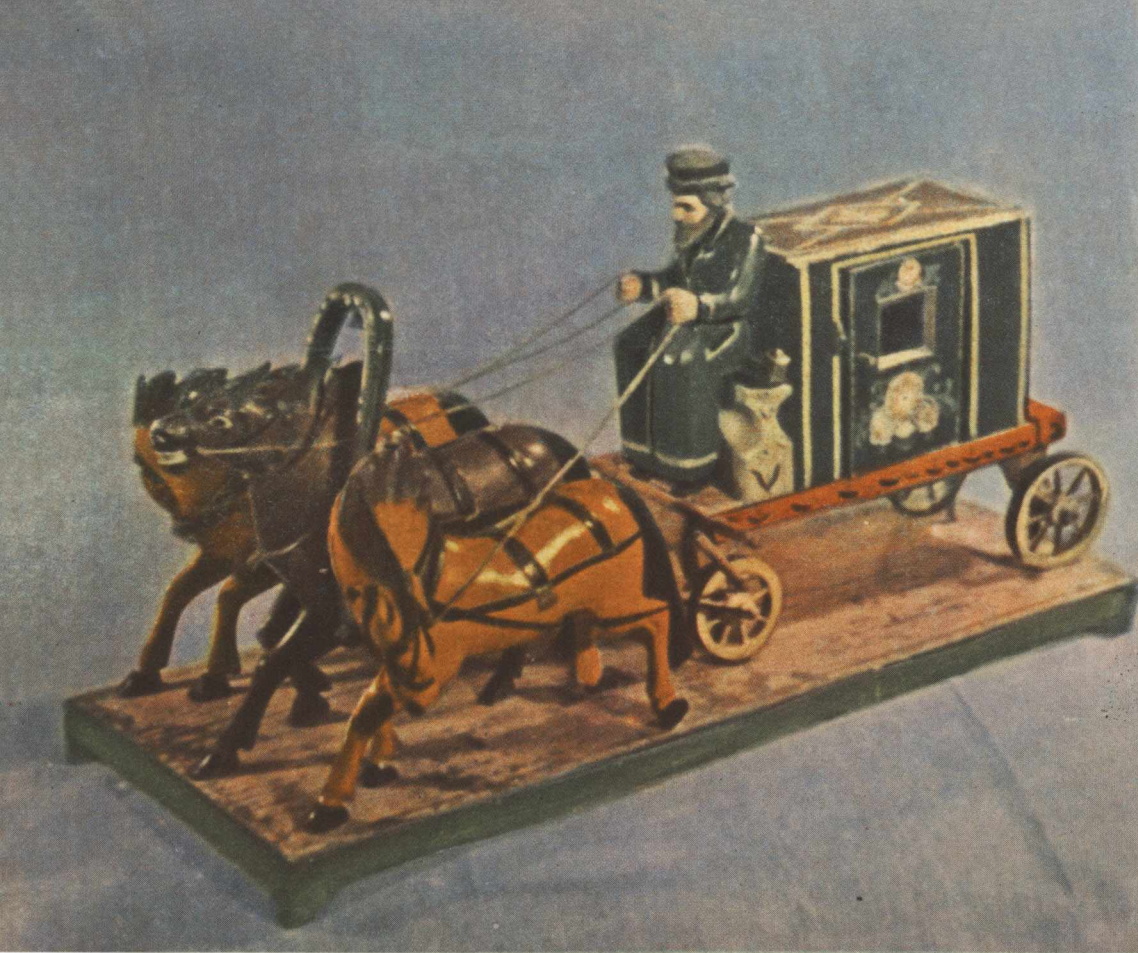
Фото Д. Ухтомского.

Ворона и лисица.

Матрешки.

Петух и курицы.

Тройка. Автор — Пронин.

Кавалерист.

Лесовик и стригушки.

Гусар и дама.

Деревянные игрушки.

Праздник танца

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

Искусству балета полагается учиться с детских лет. Вахтанг Чабукиани поступил в Ленинградское хореографическое училище гораздо позже. Он родился в очень бедной семье в Тбилиси. Еще мальчиком ему пришлось зарабатывать на хлеб. Учиться не было возможности.

Но с раннего детства Чабукиани одержим танцем. И хотя он был уже «переростком», его приняли в хореографическое училище, которое за три года он успешно окончил.

Есть в искусстве люди, которые всегда смело и упрямо ищут, отстаивают новое.

Вахтанга Чабукиани смело можно назвать новатором в балете.

Он утвердил на балетной сцене новый тип народного, демократического героя. Он по-новому станцевал такие старые партии, как Базиль в «Дон Кихоте», создал такие новые роли, как Джарджи в «Сердце гор», Фрондосо в «Лауренсии», Горды в «Горде».

Балет издавна был царством балерины. Чабукиани сделал балетный театр также и театром танцовщика, несущего тему мужества и борьбы. Он создал подлинно национальный спектакль «Сердце гор», добившись естественного слияния классического танца с танцем народным. Вахтангу Чабукиани удалось принести в искусство балета новое потому, что он в совершенстве знал «старое». Он проложил новые пути потому, что великолепно владел традициями классического балета, восприняв их в ленинградской школе.

Артист обладает великолепной хореографической памятью. Словно и нет таких движений и комбинаций классического танца — какими бы сложными они ни были, — чтоб он их не знал, не помнил, не мог бы воспроизвести...

И так же неисчерпаема его хореографическая фантазия.

Спектакль Чабукиани — пышный и яркий праздник танца.

Артист передает в танце чувства цельные, резкие, крупные. Легко заметить, что тонкости, нюансы, элегические полутона не его стихия.

Вот он в первом акте «Лауренсии» в черном костюме, перерезанном белыми шнурами, неистово и сердито трещит кастаньетами, пристукивает каблучками, словно от досады. Угрюмый и ревнивый, он олицетворение пламенной, но неудачливой любви.

А в третьем акте, на свадьбе, Фрондосо весь в белом. Он счастлив, танцует торжественно и

Вахтанг Чабукиани.

упоенно, задорно и даже чуть хвастливо.

В последнем же действии балета он воплощение мятежа, мести, неукротимого порыва к освобождению.

...В ранней юности, еще учась в школе, Чабукиани сам поставил и исполнял «танец огня». Образ огненной стихии жил в его танцевальных порывах.

Этот огонь, «зажженный» еще в дни артистической юности, не погас и сейчас, в дни его творческой зрелости.

Наблюдая за тем, как работает артист на репетиции, поражаешься неиссякаемости его творческих сил. Он танцует и играет с большой силой темперамента. Но вдруг в нем просыпается зоркий и властный режиссер. На ходу он делает замечания актерам, обращается к дирижеру, говорит с осветителями, оставаясь целеустремленным в своем горении, в своем упорном движении к творческой цели.

Чабукиани создал множество спектаклей и партий, но роль Отелло в балете А. Мачавариани — его высшее достижение.

Отелло появляется в первой картине стремительный, словно летящий на могучих крыльях своей любви. Черный легкий плащ развевается за его плечами, подчеркивая порыв и взлет влюбленной души. В дуэте с Дездемоной он все время протягивает к ней руки, словно охраняя, оберегая, лаская и защищая ее.

Говорят: «влюбленные глаза»... У Отелло-Чабукиани, можно сказать, «влюбленные руки».

Он гладит, ласкает самый воз-

Чабукиани в «Горде».
Фото М. Квирикашвили.

«Отелло». Сцена из I действия.
Фото В. Малышева.

дух вокруг Дездемоны, не сразу решаясь прикоснуться, дотронуться до нее, будто боится, что от прикосновения исчезнет хрупкое видение, развеется невероятное чудо его счастья.

Смело «переводит» Чабукиани диалоги и монологи Шекспира на язык пластических образов. Но как передать в балете знаменитый монолог Отелло в сенате?

Балетмейстер делает это просто и убедительно. Отелло начинает говорить, гаснет свет, исчезает золотой трон дожа и красные мантии сенаторов; мы воочию видим картины, которые рисует в своем «рассказе» Отелло: яростные битвы, бурные воинственные танцы с мечами, пленение и рабство, встреча с Дездемоной...

Быстро сменяющиеся картины и танцы заменили нам повествование, рассказ, монолог Отелло.

Вот на балу в своем дворце Отелло-Чабукиани танцует перед Дездемоной мавританский танец. Казалось бы, это рискованно и спорно — венецианский полководец, исполняющий негритянскую пляску! Однако темперамент и непосредственность Чабукиани делают его танец как нельзя более убедительным. В самом деле, разве не мог Отелло рассказывать Дездемоне легенды, петь песни своей родины, изливая переполненную счастьем любовь ду-

шу?! Мавританский танец Отелло кажется моментом высшего счастья, забвения: Отелло опьянен радостью и восторгом.

Доверчивость своего героя Чабукиани доводит до детской наивности, до ребяческого простодушия.

Но вот Отелло в порыве отчаяния и ревности, отравленный клеветой Яго, разрывает на себе белые одежды. Он танцует безумный танец боли и горя. Его движения, позы так же потрясают, как потрясали в этой сцене крики и стоны великих трагиков — Сальвини, Росси, Мочалова, Остужева, Хоравы.

Чабукиани увидел Отелло и воплотил его с такой безоговорочной убежденностью, что кажется: иным он быть не может. И пламень этой убежденности делает его исполнение — при всей подчас неожиданности — удивительным.

За создание спектакля «Отелло» и исполнение заглавной роли Вахтанг Чабукиани удостоен Ленинской премии. Она увенчала его актерские поиски и труд, его талант.

Сейчас Чабукиани работает над воплощением нового образа, еще не известного балетной сцене. Это образ могучего и мятежного Демона в балете, который создается по мотивам поэмы Лермонтова.

Пусть же и здесь труд артиста станет новаторским, победит.

Интервью «Огонька»

И. Д. МИХАЙЛОВ,
первый секретарь Комратского райкома
Коммунистической партии Молдавии.

В октябре в молдавской степи можно подсмотреть встречу осени и лета, единоборство ветра и солнца. И еще можно полюбоваться встречей двух урожаев, увидеть рядом две кукурузы: сухую, выпевшую на зерно, щедро одарившую людей крупными оранжевыми початками, и другую, ярко-изумрудную, во всех весенних возрастах юности — то едва достигшую метра высотой, то вытянувшуюся до полутора метров, а то и вошедшую в тот роскошный возраст, когда ее, богатую нежными початками молочно-восковой спелости, именуют «королевой полей».

Может быть, на этих зеленых участках просто взмошел нерадивый, запоздалый посев?

Нет, в этом краю трудолюбивых людей не бывает запоздалых посевов!

Здесь, на степных просторах, растет второй в этом году урожай.

Зайдем в Комратский район, познакомимся с первым секретарем Иваном Дмитриевичем Михайловым, расскажем, как справились комратские колхозники со славным делом — выращиванием на одних и тех же посевных площадях двух урожаев в год.

— Иван Дмитриевич, давно ли на землях Комратского района выращиваются двойные урожаи? Может быть, это в обычае здесь, в условиях благодатного климата, на богатом черноземе?

— Да, климат и почвы нашей республики и нашего района вполне благоприятны для получения двух урожаев в год. Но их никогда не давали наши степи в прошлом! Советская власть у нас молодая, коллективизация проведена в 1948 году. Мог ли крестьянин-единоличник без машин, без механизации вырастить два урожая? Да он и с одним-то еле справлялся! Теперь в колхозах техника, специальные тракторы и комбайны для разных сельскохозяйственных культур. Теперь химия пришла на село: во многих колхозах у нас вместо трудоемкой прополки опрыскивают поля гербицидами. Есть колхозы, где на кукурузных полях совсем не применяется ручной труд: все делают механизмы. Ну, а главным стимулом вторых урожаев для нас стали постановления партии и правительства о подъеме животноводства — надо было немедленно улучшать кормовую базу. Так что, если говорить о выращивании вторых урожаев как об обычае, то начало этому обычаю положил памятный сентябрьский Пленум ЦК КПСС.

— Расскажите об агротехнике двух урожаев.

— Видите ли, нашим вторым урожаем совсем пока еще не пользуются ученые — специалисты по сельскому хозяйству, так что научной агротехники выращивания вторых урожаев еще не существует, есть только свой собственный опыт, свои наблюдения. По этой нашей колхозной агротехнике известно, что кукуруза лучше всего растет на полях, с которых сняты колосовые. Мы у себя в районе, например, сеем озимую рожь, озимый ячмень и в мае, как только они заколосятся, скашиваем их на зеленый корм. Вот наши полеводы и задумались: ведь большое же количество земель освобождается в мае! И пустуют эти земли до осени, а то и до будущей весны. А ведь они хорошо обработаны, под землей осталась молодая корневая система, которая, перегнивая, обогащает почву. Так почему же эти свободные поля не использовать вторично? Тем более, что им достаточно всего неглубокой вспашки или культива-

ции. Кукуруза, посеянная в мае — начале июня, к октябрю непременно должна дать початки молочно-восковой спелости, а из такой кукурузы, как известно, получается высококачественный силос. Октябрь у нас обычно бывает теплый, так что к концу этого месяца кукуруза, посеянная в мае, может вызреть и на зерно.

Дальше. Пшеница у нас в Молдавии вызревает на зерно в начале июля. Уборка пшеницы заканчивается примерно к 25 июля. Прокультивируйте землю и в конце июля — начале августа снова высейте на больших площадях кукурузу. К началу октября она

КРАЙ

вырастет до полутора метров — можно давать ее на зеленый корм, можно и силосовать. Могут быть и еще более поздние, вторичные посевы кукурузы, и эта совсем молодая кукуруза — великолепный осенний подножный корм для скота!

— Что практически дают району вторичные посевы кукурузы?

— Комратский район — это юг Молдавии. У нас ведется интенсивное земледелие, иначе говоря, колхозники стараются обрабатывать под посевы каждый клочок земли: это выгоднее, чем, к примеру, оставлять землю под пастбища. Так что пастбищ для крупного рогатого скота у нас нет совсем. А если нет пастбищ, то чем же кормить скот? До весны он получает силос, в мае даем ему на зеленый корм озимую рожь и ячмень, в июне и июле — кукурузу основного посева. А август, сентябрь, октябрь? Вот эти-то месяцы всегда были для нас наиболее трудными, потому что кукуруза к этому времени вызревает на зерно, и скот рано остается без зеленого корма. Зато теперь благодаря вторичным посевам скот обеспечен им полностью! Ну, и запасы силоса увеличиваются за счет вторичных посевов.

На полях колхоза «Патрия» идет уборка второго урожая.

ДВОЙНЫХ УРОЖАЕВ

В этом году у нас вторично, по колосовым, засеяно кукурузой около четырех тысяч гектаров — это составляет двадцать процентов дополнительных кормов.

Еще недавно наш район считался одним из самых отсталых в Молдавии. В 1954 году мы дали всего 1 551 тонну молока — по 930 литров на корову. В этом году мы получим уже по 2 600 литров на корову! И знаете, чем мы обеспечили такой подъем? Кукурузой, конечно! Раньше, до сентябрьского Пленума, в районе 70 процентов земель засеивались колосовыми, которые у нас дают низкий урожай. Теперь мы перестроили посевы и на 70 процентах выращиваем кукурузу и только на 30 процентах — колосовые. И арифметика получается простая: много кукурузы — много корма! Много корма — много молока!

Теперь наше стадо бурно растет, к концу семилетки поголовье увеличится вдвое — и тут уж нас «выведут в люди» вторичные посевы.

— Сейчас в районе идет уборка второго урожая кукурузы. Можно ли узнать, сколько центнеров зеленой массы с гектара удастся получить?

— Конечно. Вот, например, кол-

хоз «Патрия», где председателем работает Александр Гаврилович Туренко. Нынче там неплохой урожай кукурузы. В дополнение к 1 249 гектарам основных площадей кукурузы у них в этом году посеяно еще 450 гектаров по жнивью. 360 гектаров вторичных посевов, скошенных на зеленый корм, дали в среднем по 300 центнеров с гектара. Сейчас там идет уборка вторичного урожая с початками молочно-восковой спелости на силос. Здесь, на участке бригадира Ивана Сафоновича Доменко, получают по 500 центнеров с гектара.

Если бы пришлось закупить такое количество корма, колхоз потратил бы больше 700 тысяч рублей! Вот поэтому-то колхозники «Патрии» и намерены с каждым годом увеличивать вторичные посевы кукурузы. По району же в конце семилетки под ними будет занято 6 тысяч гектаров.

— А не приведет ли вторичный посев к обеднению почвы?

— Ни в коем случае! Известно, что кукуруза при всех своих прочих достоинствах еще и очень нетребовательное растение: она не истощает почву. Например, пшеница, посеянная по кукурузе, дает

даже более высокий урожай, чем посеянная по пару. Сейчас под вторичные урожаи наши колхозники не вносят никаких удобрений. Но если в течение ряда лет — практика покажет! — почвы станут беднеть, мы будем вносить минеральные и органические удобрения, и плодородие почвы будет восстановлено.

В колхозе имени Ленина, Чадыр-Лунгского района, скот пасут на вторых посевах кукурузы.
Фото М. Савина.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

УРОЖАЙ ОТЛИЧНЫЙ

Опустели сорок четыре тысячи гектаров полей колхоза имени Кирова в Брестской области. Только на отдельных участках высятся трехметровые стебли кукурузы, которая оставлена на семена.

Пятьсот семьдесят центнеров зеленой массы с гектара собрали колхозники-кировцы в этом году. Это значит, что они смогут заложить полтора миллиона тонн питательного силоса — в два раза больше, чем в прошлом году.

Нина Акимовна Дивинец — одна из многих кукурузоводов Брестской области, чье звено добилося высоких показателей.

...Не прошло недели, как посадили семена, а уже зазеленели всходы. Но быстро наступившее жаркое лето, — полтора месяца без капли дождя — пожелтило раньше времени зерновые и лен, подсушило листья картофеля и свеклы. Казалось, не устоит перед зноем и кукуруза. Однако умелые руки девушек из звена Нины Дивинец, их

Н. А. Дивинец.

Фото А. Кожина.

забота о молодой зеленой поросли выходили ее. Урожай собрали отличный.

В. БОРУШКО

Норвежское судно «Онега» в Онежском порту

Старинный русский город Онега, расположенный на Белом море, издавна славится экспортом древесины. За первосортными пиломатериалами с весны и до глубокой осени сюда идут пароходы из Норвегии, Швеции, Голландии, Германской Демократической Республики, ФРГ и других стран. Днем и ночью у причалов лесопильно-гидролизного комбината царит оживление. То и дело снуют высокие юркие автолесовозы. При помощи механизмов доски пачками подаются в просторные трюмы судов. Портковые рабочие — стивидоры — делают все для того, чтобы отправлять пароходы досрочно.

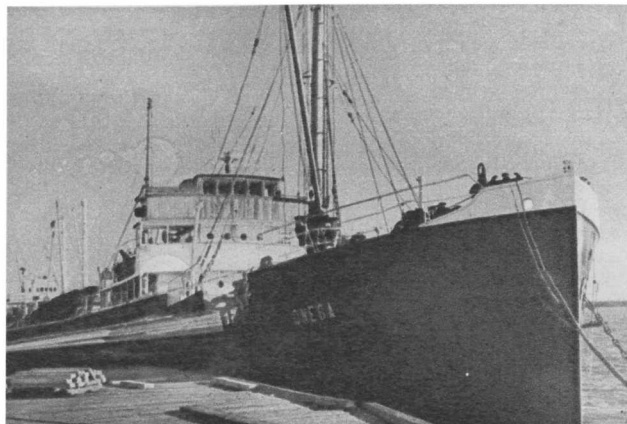
С начала навигации в результате быстрой погрузки сэкономлено 165 дней. Онежским комбинатом по-

лучено немало писем от иностранных фирм с выражением благодарности стивидорам за хорошую укладку пиломатериалов и досрочную отправку пароходов.

Недавно на рейде Онежского порта остановился норвежский пароход. В прошлом году он приходил под названием «Тролнес». А сейчас, к удивлению жителей северного города, в носовой части знакомого парохода крупными буквами написано: «Онега». Так назвали свое судно норвежские судовладельцы в знак благодарности лесопильщикам и стивидорам Онеги, в честь дружбы народов Советского Союза и Норвегии.

И. АПИЦЫН

г. Онега, Архангельская обл.

Норвежский пароход «Онега» у причала Онежского лесопильно-гидролизного комбината. Фото автора.

ТКАЧИХА ДЖАН ЛИ-Ю

В просторных, светлых цехах Кировабадского текстильного комбината имени Орджоникидзе ритмично постукивают ткацкие станки и прядильные машины. Работницы внимательно прислушиваются к стуку челноков, к шуму веретен.

— Лучшая ткачиха комбината! — с гордостью говорит начальник цеха Н. Антипов, знакомя нас со стройной невысокой девушкой, которая быстро движется между станками. — В прошлую смену она выткала шестьсот семьдесят метров миткала при норме в триста шестьдесят метров. На семнадцать станках работает.

Мы познакомимся с комсомолкой Фридой Джан Ли-ю. Имя этой девушки, с которой берут пример многие молодые работницы, не сходит с доски почта.

Интересна ее судьба. Отец Фриды приехал из Китая мальчишкой вместе со своими родителями еще до Великой Октябрьской революции. Ее дед участвовал в борьбе за Советскую власть, а затем работал в Донбассе. Там же начал трудиться и

Фрида Джан Ли-ю.

Фото А. Агаджаняна.

отец Фриды, женившийся на русской девушке Анне Дегтяревой.

Долгое время семья Джан Ли-ю жила в Иванове. Пытливая, энергичная, Фрида окончила там школу ФЗУ, пришла на фабрику и быстро освоилась с делом. А когда потребовались квалифицированные кадры для Кировабадского текстильного комбината, она одной из первых поехала в Азербайджан.

В цеху на фанерном щите ярко выделяются крупные буквы:

«Товарищи текстильщики! В семилетии наш комбинат должен увеличить выпуск тканей на 10 миллионов метров...»

— Это наша боевая программа, — говорит Джан Ли-ю. — Сейчас мы смело выходим на передовые рубежи семилетки. Как и многие другие, наши работницы выработывают ткань уже в счет 1960 года.

К. ХРОМОВ

Азербайджан.

Н. К. Семенов.

Один из боевой семерки

Прочитав в 28-м номере «Огонька» (1959 год) заметку «Боевая семерка», я хочу рассказать об одном человеке из этих семи — о старейшем работнике Луганского тепловозостроительного завода Николае Карповиче Семёнове.

Недавно у нас на заводе было торжественно отмечено его 75-летие и полувековой юбилей трудовой деятельности.

Самая большая комната отдела главного энергетика — зал собраний — была заполнена до отказа.

Один за другим выступали его товарищи по работе — люди разных возрастов — и тепло говорили о том, как Николай Карпович обучал и обучает молодежь. Вспоминали и о его революционных заслугах, как в годы гражданской войны товарищ Семёнов вместе с друзьями строил бронепоезда и под пулеметным огнем противника выводил состав с ценным оборудованием и ранеными красноармейцами.

Представитель многотысячного коллектива заводских спортсменов И. И. Яковлев под аплодисменты вручил юбиляру, много-

кратному чемпиону города и области по стрельбе, подарок — памятный кубок.

Поделился воспоминаниями о славном революционном прошлом и юбиляр.

— Массовки в то время проводили главным образом в лесочке между Большой Вергункой и Красным Яром, — рассказывал он. — Собирались с большой осторожностью, чтобы не привлечь внимания полиции. И каждый раз выставляли боевое охранение.

Николай Карпович на минуту задумался, вдруг молодого рассмеялся.

— Однажды на массовку шли, как будто на чьи-то именины. И чтобы это выглядело правдоподобней, Саша Пархоменко нес с собой глиняную собачку — «подарок имениннику»...

Ныне, продолжая трудиться на заводе в качестве инженера, Николай Карпович Семёнов является видным рационализатором. На снимке, который публикуется здесь, он занят испытанием манометров с помощью пресса, собственной конструкции.

А. КУДРЯКОВ

г. Луганск.

У ЛЕСОРУБОВ БАШКИРИИ

Крупнопакетная погрузка хлыстов в Караидельском леспромпхозе.

Фото С. Ярных.

Есть в южноуральской тайге места, где не ступала еще нога человека. Но и сюда, пробираясь через бурелом, приходят лесозаготовители Башкирии. В самой глухомани работает бригада комсомольца Рафита Имамудинова, заготавливая в полтора раза больше древесины, чем предусмотрено заданием. Прогрессивный метод труда применил бригадир Яман-Елгинского леспромпхоза Сергей Степанович Черепанов. Он валит лес один, без помощников. Его мотопила врезается в огромные стволы столетних пихт, и через две — три минуты, размахивая мохнатыми лапами ветвей, деревья падают.

После службы в армии

вернулся в леспромпхоз тракторист Александр Кузин. С любого рабочего участка подвозит он лес на эстакаду, более чем в два раза перевыполняя нормы.

Много рационализаторских предложений претворяется в жизнь, и самое замечательное из них — это крупнопакетная погрузка.

Не по одному хлысту грузят теперь древесину на автомашины, а пачками, сразу по 17—18 кубометров. Это сокращает простои транспорта, освобождает погрузочные механизмы и рабочих. Каждая установка для крупнопакетной погрузки дает сотни тысяч рублей экономии.

В. БОЙКОВ.

Зерносушилка в колхозе «Новый быт».
Фото П. Новаторова.

ГОРЯЧИЙ УРАГАН СУШИТ ЗЕРНО

В колхоз «Новый быт», Минского района Белоруссии, часто приезжают жители соседних деревень. Всем хочется познакомиться с новой зерносушилкой, которую установили здесь.

Поток горячих газов мчится по трубам со скоростью урагана и быстро удаляет из зерна влагу. Нагрев до 200—300 градусов чередуется с охлаждением. Такая сушка увеличивает всхожесть семян, повышает урожайность.

Наблюдая за работой сушилки, ее создатели — сотрудники Института энергетической Академии наук СССР — внимательно прислушивались к замечаниям колхозников. С учетом этих замечаний спроектирована новая сверхмощная сушилка производительностью 50 тонн зерна в час. Она сооружается на целинных землях Казахстана.

Е. ГАЛКИН

Из Ангарска в Сочи на автомобиле

Перед въездом в Горький.
Фото В. Ермошина.

Такое путешествие совершают трое друзей: братья Немцевы, Юрий и Борис, и Николай Рыжков. За месяц пути они побывали у Красноярских Столбов, на Новосибирской ГЭС, на стройке заводов большой химии в Башкирии, на берегу Куйбышевского моря. И вот прибыли в Горький. Все трое путешественников здесь впервые. Но четвертый их спутник — машина «Волга» — попал здесь в «дом родной».

— Ну как, довольны машиной? — поинтересовался конструктор «Волги» инженер автозавода А. М. Невзоров, беседуя с участниками пробега.

— Спасибо, все в порядке, — ответили ему трое друзей.

Два дня погостила «Волга» у себя на родине. А затем продолжила путь на Кавказ.

М. МЕЛЛЕР

Вертолеты над садами

С заправочной площадки колхоза имени Мичурина медленно поднимается серебристый вертолет, разворачивается, летит над огородами.

Пилот прижимает машину к самой земле, — кажется, что колеса вот-вот коснутся растений, — и включает опрыскиватель. Густыми струями ударяет гексахлоран в широкие листья капусты, волнами ползет по рядам.

Результаты отличные: капуста тля повсюду уничтожена.

Впервые в Советском Союзе близ Алма-Аты проводились испытания вертолетов по борьбе с вредителями и болезнями садов.

Применять обычную сельскохозяйственную авиацию на крутых склонах, на высоте тысячи и более метров над уровнем моря, было невозможно. Не помогали и другие способы борьбы. Тогда и решили применить вертолеты.

Полученный эффект превзошел все ожидания. С помощью несущих винтов вертолета, образующих вихревые движения воздуха, распыляемые препараты попадают на нижнюю сторону листьев, где обычно гнездятся вредители.

Применение вертолетов в сельском хозяйстве имеет большое будущее.

Ф. КОРОТКЕВИЧ
Фото автора.

К столу подана минога

Латвийские рыбаки добывают много различной рыбы: салаки, трески, камбалы, кильки... Но, помимо этих пород, Латвия славится замечательным балтийским лососем, жирными угрями метровой длины и, конечно, нежной и сочной миногой.

Хитрая и осторожная рыба — балтийская минога. Она словно знает себе цену и потому заставляет себя долго ждать. Официально промысел миноги разрешен с июля по февраль. Но в нынешнем году ни в июле, ни в августе ее и в помине не было: в Латвии стояла на редкость теплая, солнечная погода, а минога любит темные, безлунные ночи и начинает свой ход на нерест только после первых осенних штормов. Она и на нерест выбрала себе только две латвийские быстрые реки — Гауя и Салаца, что впадают в восточную часть Рижского залива...

Шестой час утра. Гаснут звезды, и на реке становится еще темнее. Только «полярна», покровительница моряков, светится в вышине, а внизу скорее угадывается, чем видится, неровная стена леса вдоль Гауи.

Ловцы из колхоза «Царинава» в эту предрассветную темь собираются у причала. Звено во главе со своим вожаном Августом Розенбергом оттапливает от берега тяжелую моторную лаву. Успокаивающее привычно рончат двигатели, удаляются берега Гауи...

Становится все светлее, а когда солнце чуть покрасит кроны елей и сосен, Гауя предстает перед восхищенным взором во всем своем великолепии. Эта быстрая и глубокая река бежит вдоль зеленых берегов, и табунки белостолбных березок красуются у самой воды, словно собрались они полюбоваться зеркалом реки да и себя показать.

В нижнем течении Гауи с вечера ставятся мережи — конусообразные мелкояче-

ные сети. Одну треть реки необходимо оставить свободной, чтобы рыба, идущая на нерест, не вся попадала в сети. Таким путем достигается воспроизводство стада балтийской миноги — редкой, чрезвычайно нежной и вкусной рыбы.

Рано утром сети поднимают на борт, и в каждой — живой клубок. Из мережи миноги пересыпают в плотный мешок и наглухо завязывают: иначе они выплзут, и потом собирать их по всей лодке. Прямо в мешках улов миноги сдается на рыбобовод.

В просторных цехах завода идет холодное копчение атлантической сельди, изготавливаются балычки из морского омуля, выловленного у берегов Ньюфаундленда, здесь же приготавливается минога.

Происходит это так. Свежую рыбу после мойки

укладывают рядышком, голова к голове, хвост к хвосту на специальные решетки. Затем рыба поступает в обжарочную печь: шесть — семь минут поджаривается одна сторона, потом другая. Обжаренную в собственном соку рыбу кладут в большие кастрюли и заливают крутым кипятком, предварительно чуть посолив. Спустя тридцать — сорок минут ее ставят в специальные шкафы минут на десять — пятнадцать для охлаждения, и затем она идет в укладку. Десятикилограммовые аккуратные полубочонки заливают рыбьим соком с небольшой дозой желатина, и готовая продукция идет в холодильник.

Выловленная утром минога уже назавтра будет подана к столу в Риге; ее отправляют в Москву, Ленинград, Киев и другие города страны.

С. БАНК

Рано утром в устье Гауи рыбаки И. Стефанович и Н. Нестеров выбирают мережи.

Фото И. Семина.

ПЕСНИ КАРА-КЫС МУНЗУК

Два десятилетия прошло с тех пор, как дочь бедного тувинского арата начала свой путь в искусство.

Кара-кыс Мунзук принадлежит к числу первых профессиональных антеров Тувы. Ею сыграны роли в тридцати шести постановках Кызылского театра: в пьесах русских и западных классиков, а также тувинских, китайских, казахских, ханасских, киргизских драматургов. Много есть почитателей драматического таланта Кара-кыс Мунзук, но еще больше любит народ Мунзук-певицу. Далеко слышен ее голос. Теперь он звучит и на сцене таежного клуба и в эфире. Кара-кыс поет любимые народом известные песни. Но в ее исполнении

они звучат настолько свежо, что воспринимаешь их с новым интересом, будто слышишь впервые.

Вместе с мужем, тоже артистом театра, Максимом Мунзуном, талантливая певица собирает и бережно обрабатывает народные мелодии, куплеты, частушки.

Песни «ловятся» сами. Их при желании нетрудно подслушать в народе. Более сотни песен записали супруги Мунзук.

Многие из них Кара-кыс напела на грампластинки. Теперь песни тувинского народа можно услышать во многих уголках нашей страны, их поет заслуженная артистка РСФСР Кара-кыс Мунзук.

М. ЭВЕНТОВ

Тувинские артисты Кара-кыс и Максим Мунзук.
Фото В. Чапайкина.

29

МЕДАЛЬ ИЗ БОЛОНЬИ

Евг. СИМОНОВ

«Вот и они», — облегченно вздохнул высокий, плотного сложения майор медицинской службы.

В парке над Яузой уже опускались сумерки, но военврач продолжал перебирать только что выкопанные из земли стопки медицинских карточек. «Знаменские... Пыльнов... Севрюнова... Теймурян... Сеченова», — ронял он: вполголоса. Какие-то листки он подносил лишь на миг к глазам, другие же долго не выпускал из рук.

С особым удовлетворением он поглядывал на уцелевшие вороха бумаги.

Спасибо матушке-земле, укрывшей их от фугасов и зажигалок! Так было в памятный сорок пятый год.

«Профессор Хейс завидует!» — гласил заголовок, который можно было видеть совсем недавно в западной прессе над колонками петита. Из них явствовало, что посетивший СССР почтенный ученый был просто сражен размахом и глубиной тех работ, которые ведет коллектив, носящий явно суживающее его истинные рамки наименование — «Сектор спортивной медицины Центрального научно-исследовательского института физической культуры».

Если бы мы захотели нарисовать родословную этого ученого коллектива, так сказать, его генеалогическое древо, то ветви его от улицы Казанова в Москве дотянулись бы теперь не только до Грузии или, скажем, Урала, но до Китая и того самого Штутгарта в Федеральной Германии, где клинику спортивного травматизма ведет уже названный нами профессор Фрвальд Хейс. О его авторитете достаточно свидетельствует звание главного врача национальной олимпийской команды.

«Мы были настолько поражены всем увиденным», — писал он после посещения «сектора» спортивной медицины, — что вначале оно представлялось неправдоподобным и мы позволили себе заглянуть «за кулисы». Однако и здесь все оказалось настоящим. После этого у нас не осталось ничего, кроме чувства зависти к тому, чем рас-

полагают русские и чего не имеем мы».

Так обстояло в пятьдесят восьмом.

Большая, размером с ладонь, золотая медаль имени Анжело Моссо, которую принял недавно в Болонье Серафим Петрович Летунов, была еще одним подтверждением того международного авторитета, который завоевали представители советского спорта.

Теперь на главном стадионе страны в Лужниках ведет свою работу этот коллектив, о котором авторитетный английский ученый Кендралл не без удивления писал как о сложившейся в СССР большой «специальной категории врачей, именуемой спортивными врачами».

Без малого три десятилетия отдал этому делу Летунов, новый лауреат международной премии Моссо. И не с усмешкой, а с уважением вспоминает он ушедшие дни, когда после стандартной порции подскоков или приседаний, отсчетов пульса и давлений он и его коллеги строили первые прогнозы о пределах спортивной работоспособности.

В отличие от врачей, которых зовут «лечащими», их деятельность скорее можно уподобить творчеству зодчего или глазу аналитика, провидящего то, что скрыто даже от такого, казалось бы, надежного судьи, каким служит секундомер.

Примечательно, что вся работа творческого коллектива начиналась не только в общении с асами нашего спорта. Одной из первых работ Летунова и его коллег была научная разведка в цеха ткацкой фабрики «Трехгорки»: физкультура у станка ткачих. Четверть века назад это волновало наших спортивных врачей.

Давно уже ведут подобные поиски ученые разных стран. Но на XII международном конгрессе ученые Англии, Италии, Франции и США, далекие от наших позиций воинствующего павловского материализма, пальму первенства отдавали советской школе спортивной медицины.

Методика их русских коллег не сводится к голой арифметике, ме-

ханическому суммированию большого или меньшего числа слагаемых. О, нет! Со страниц анкет перед врачом предстает человек во всей совокупности его физических и психических свойств и навыков. Врач оперирует с цифрами, но имеет дело с человеком.

Это и есть то, что С. Летунов, Р. Мотылянская и весь коллектив сектора спортивной медицины определяют прозаическим, но точным термином «комплексность». Это, по их убеждению, и было решающим в научном поиске, который продолжается и будет продолжаться впредь.

«Условия современной городской жизни так отличаются от естественных, что мало-помалу лишают нас крепости и силы в борьбе с лишениями». Так еще в прошлом столетии писал Анжело Моссо, который изучал влияние физического развития на человека.

Немногом более полувек прошло с той поры, как были произнесены эти слова ученого, исполненные беспокойства за новые поколения. В нашей стране произошли сдвиги, в корне изменившие весь наш уклад и силу самого народа.

Вспомним хотя бы Мельбури, где впервые в истории спорта пала олимпийская гегемония Соединенных Штатов Америки. Победа парней и девушек с буквами «СССР» на груди была доказательством

Разбор телеэлектрокардиограммы, полученной во время бега на 1500 метров. В центре — заведующий сектором спортивной медицины профессор С. П. Летунов, научный сотрудник Ф. А. Иорданская, заведующий отделом функциональной диагностики В. В. Матов.

Фото А. Бочинина.

жизнеспособности всего нашего народа, ибо за каждым мастером спорта стояли миллионы ряды крепких, загорелых и веселых ребят, имя которым «физкультурники».

Когда недавно в Болонье С. Летунов принимал синий сафьяновый футляр, он уловил произнесенные по-итальянски слова о «фундаментальности русских исследований», о «гармоническом сочетании ими теории и практики». Репортеры передавали в свои редакции сообщение о торжественном вручении медали «весом в 112 граммов чистого золота русскому ученому», которая стояла вровень с «золотым дождем» международных наград нашего спорта.

И в тот день, когда болельщик будет до красноты в ладонях приветствовать на стадионе новых чемпионов, пусть он вспомнит и Серафима Петровича Летунова и весь коллектив врачей, которые способствуют победам.

Гонг прозвучал!

Футбольный чемпионат можно сравнить с бегом на длинную дистанцию, который требует не только физической крепости и совершенной техники движения, но еще и умения распределить свои силы равномерно по всей дистанции.

И если приглядеться к некоторым бегунам-командам, кои замешкались и отстали в весенней половине футбольного марафона, то можно заметить их страстное желание сократить просвет и максимально приблизиться к лидерам турнира.

Вратарь С. Котрикадзе берет трудный мяч.

В свою очередь, в последние дни между лидерами завязалась острая борьба. В итоге команда «Локомотив», набравшая «пары» еще «на первой дистанции пути», не сбавляя темпа, въехала на «футбольный Олимп» и настоятельно просит московских динамовцев потесниться. Туда же нашли дорогу и тбилисские футболисты.

В общем жизнь на «Олимпе» стала беспокойной. В этом еще раз можно было убедиться, увидев на днях в Москве матч претендентов на лидерство — динамовцев Москвы и Тбилиси. Нужно сказать, что он был наиболее интересным состязанием из многих, виденных нами за последнее время.

Москвичи с удовольствием наблюдали техничный и комбинационный футбол, по которому, открыто говоря, мы соскучились.

Грузинские спортсмены решительно опровергли мнение, что они могут побеждать только на своем поле и только под теплым, южным солнцем. Известно, что в Москве они уже «уложили на лопатки» «Спартак», «Локомотив», а теперь нашли новую жертву. И хотя счет открыли хозяева поля, все же это не стало для них отправной точкой для успеха.

Более трудолюбивы были гости. Приятно было видеть, как рядом играли молодой М. Месхи и ветеран А. Гогоберидзе. Первый показал москвичам великолепный бег и умение на больших скоростях владеть мячом, а второй был отличным организатором атак, в которых активно действовали все нападающие. К сожалению, такого «дирижера» не оказалось у москвичей. Старание же молодых форвардов и особенно растущего от игры в игре А. Коршунова не дало должного эффекта. Тбилисцы выиграли со счетом 2:1 и закрепились на третьем месте в турнирной таблице.

Совсем в другой атмосфере проходила встреча «Спартак» с командой ЦСК МО, собравшая на стадионе имени В. И. Ленина больше ста тысяч зрителей. Хотя

она и была очень темпераментной, а иногда даже красивой, все же тяжелое впечатление оставили бесконечные попытки футболистов не переиграть, а перетолкать друг друга. Временами казалось, что это пародия на футбол. Атаковали не мяч, а человека. Порою в рукопашную толкались соперники в то время, как мяч спокойно пролетал далеко от них.

Поистине пожалеешь наших судей! Не так-то легко пробраться сквозь эту «грязную игру» и поймать виновного «за ногу».

Даже такие техничные футболисты, как С. Сальников, И. Нетто, В. Агапов и Г. Апухтин, и те вынуждены были, говоря образно, вынимать из ножен не отточенный кинжал техники, а железный лом силы. А когда говоришь с ними по душам, они отвечают: «Так бывает в азарте».

Обиднее всего, что подобную «азартную» манеру игры охотно перенимают молодые футболисты. Хочется им напомнить, что силовая игра — это дрожжи, на которых пышно поднимается грубый футбол.

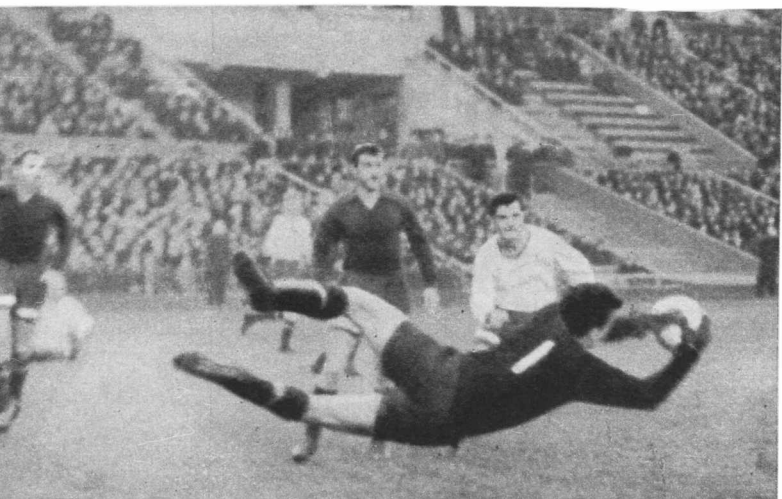
Матч закончился ничью — 1:1, но яркими эпизодами зрителей не порадовал. Временами спартаковцы пытались разыграть комбинацию, как на шахматной доске, но старания инсайдов смазывались неумелой игрой цент-

рального нападающего Б. Лобутева, который попросту не понимал своих товарищей. Вот и получалось, что атаки шли одна за другой, а нонаута не было.

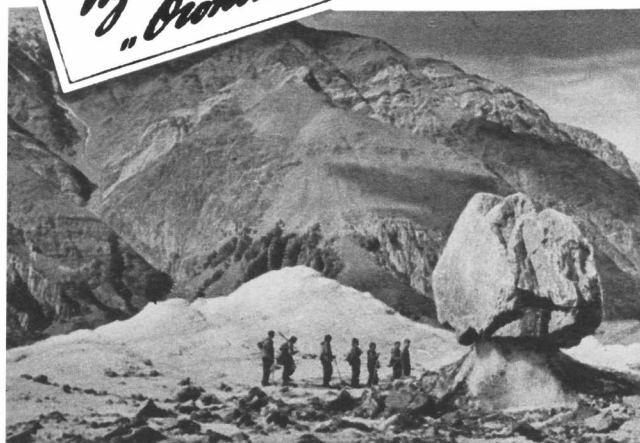
Армейцы играли в своей старой манере: с оттянутыми назад инсайдами и полузащитниками, но с резкими выходами к воротам быстрых крайних нападающих. Конечно, подобная тактика могла принести лишь случайный успех. Так оно и было: Г. Апухтин, на первой же минуте получив передачу после штрафного удара, проскочил между зазевавшимися защитниками «Спартак» и забил гол. Но это был слабый повод для того, чтобы заболеть манией величия. А между тем армейцы все время пытались пройти к воротам в одиночку, забив, что для этого у них не хватало мастерства. Глядя на бесплодную индивидуальную игру, возведенную в принцип, невольно вспоминаешь вьетнамскую пословицу: «Плот всегда надежнее одного бревна»...

Я не упомянул об остальных матчах потому, что они не были столь характерны, хотя и подчеркивали остроту борьбы, типичную для конца сезона. Каждой команде осталось провести по 3—4 матча. В чемпионате прозвучал гонг!

М. МЕРЖАНОВ

Из пота
"Огонька"

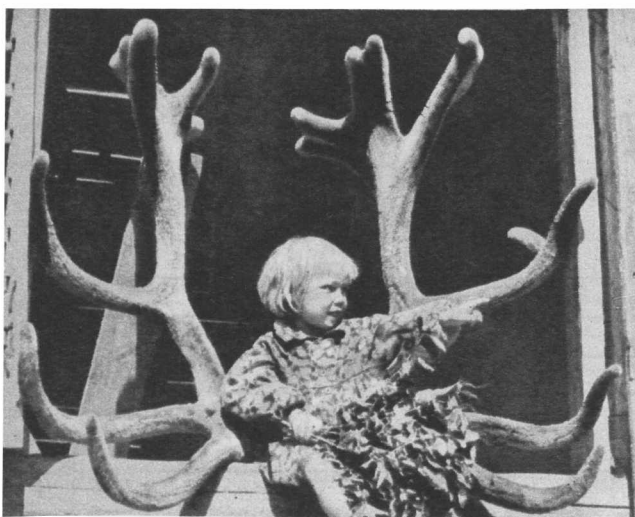

На ледяной ножке

Наша группа туристов посетила ледник Федченко на Памире. Мы увидели там огромные каменные грибы, которые стояли на ледяных ножках. Под воздействием солнца лед вокруг каменных глыб тает, и над ледником медленно «вырастают» причудливые фигуры на голубых ножках.

Р. КОРОЛЬ,
мастер спорта

Москва.

Чудо природы

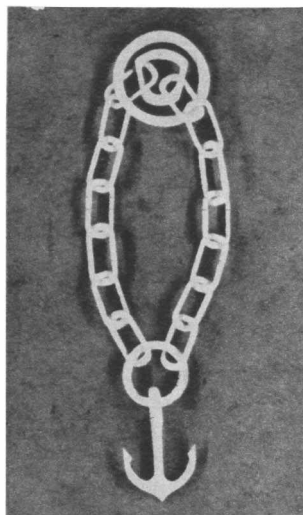
На снимке вы видите уникальные панты, снятые нынешним летом с марала по кличке «Рекордист» мараловодом Долданом Нурасыловым из парка Верх-Катунского мараловодческого совхоза в Восточном Казахстане.

Панты весят 21 килограмм 300 граммов, их заготовительная стоимость несколько тысяч рублей. Верх-Катунский Рекордист побил все рекорды четвероногих рогачей.

В. КУТИН

Зыряновск.

Из одного куска дерева

В редакцию «Огонька» принесли крохотную посылочку: ящичек с искусно сделанной деревянной цепью и при нем письмо. В письме сказано:

«Больше года тому назад я увидел на страницах «Огонька» цепь, сделанную столетром из куска дерева. Мне понравилась эта работа. Но я решил посоревноваться с мастером и выполнить более сложный труд: изготовить цепь замкнутую, да еще с передвижным кольцом.

Инструмент был у меня совсем несложный: перочинный нож да пилючки. Кто только эти пилючки делает: тупые, ломкие, пилят в одну сторону — влево берут, вправо не хотят! И все-таки я сделал цепь, да еще с якорем на конце...

Посылаю вам свою работу.

Пенсионер
А. ЛИПАТОВ».

Кашира.

Ласточки

Я работаю в Торгпредстве СССР в Финляндии. Летом этого года мне удалось сделать интересный снимок. В местечке Ловиса 28 августа резко упала температура воздуха. От холода ласточки сбивались кучами на карнизах зданий. Одну из таких куч, в которой насчитывается больше сотни птиц, вы видите на этой фотографии.

М. ЛИСОВ

Хельсинки.

Горный обвал

Недавно наш экипаж совершал обычный рейс из Петропавловска-Камчатского в Усть-Камчатск. Под самолетом проносились хорошо знакомые горы, долины, реки. И вдруг мы увидели что-то новое, необычное. Огромное ущелье у горы Плоской-Ближней было забито лавиной льда и камней. Она заполнила ущелье глубиной в триста — четыреста метров почти доверху. Этот обвал, вероятно, заинтересует ученых.

Пилот Э. ЛЯНГЕРТ

Петропавловск-Камчатский.

Директор лаборатории вулканологии Академии наук СССР доктор геолого-минералогических наук Владимир Иванович Влодавец сказал нашему корреспонденту:

— Чтобы представить себе размеры происшедшего стихийного явления, нужно прежде всего учесть, что нижняя граница фотоснимка соответствует примерно полутора километрам высоты над уровнем моря, а вершина горы — четырем километрам.

В бывшем кратере потухшего вулкана накопилось громадное количество льда. Это и привело к тому, что масса скопившегося льда надавила на верхнюю часть ледника и сдвинула его по крутому склону ущелья Петрографов. Такой случай на Камчатке отмечался впервые.

Гвоздик

Короткая сказка

Гвоздик высунулся из туфли, чтобы посмотреть, как поживает его хозяин, и сразу услышал:

— Ой!

Гвоздик разволновался. Очевидно, у хозяина какие-то неприятности? И Гвоздик высунулся еще больше.

— Ой! Ой! — вскрикнул хозяин, а потом снял туфлю и забил Гвоздик молотком.

«Что-то он от меня скрывает! — подумал Гвоздик. — Но ничего, я все-таки узнаю, в чем здесь дело!» И он высунулся снова.

Хозяин рассердился, взял клещи и вытащил Гвоздик из туфли.

— Гордый человек! — сказал Гвоздик. — Не хочет, чтобы другие видели, как ему тяжело живется!

Ф. КРИВИН

Ужгород.

Тайга

Как-то в середине лета к нам в лагерь лесники привезли лосенка. Был он маленький, заросший грязно-бурой шерстью. Геологи назвали его Тайгой. Первые дни лосенок отлеживался в палатке, но вскоре стал свободно расхаживать по лагерю. Тайга приучился придерживаться распорядка и к завтраку, обеду и ужину приходил без опозданий. Ел Тайга все: борщ, хлеб, масло, жир и даже мясо. Геологи стали подумывать, не пустить ли лосенка на волю. Но всякий раз было жалко расставаться. Однажды Тайга пытался позавтракать развешанным на веревке беляем и этим ускорил наше решение. Лосенка перевезли через реку Колыму и оставили в лесу.

Пришла зима, геологи уезжали в Сеймчан. Каково же было наше удивление, когда в одно прекрасное утро к нам в гости заявился Тайга. Вместо маленького лосенка перед нами стоял сильный сохатый. Наши опасения были напрасны: Тайге оказались нестрашны и неожиданности тайги с ее хищниками и река Колыма с ее бурным течением.

И. ПОЛЯКОВ

Сеймчан.

«ПАУКИ»

Опубликованный в № 32 фельетон А. Спекторова и Е. Велтистова «Пауки» вызвал многочисленные отклики. Читатели приветствуют выступление журнала против дачных дельцов, вносят предложения об упорядочении строительства дач и дел в дачно-строительных кооперативах, называют новых «пауков» и «паучков». Материалы и сигналы читателей о конкретных злоупотреблениях переданы в соответствующие организации.

Какое наказание понесли «герои» фельетона? — спрашивают читатели. Редакция журнала «Огонек» получила письма многих организаций, занимавшихся расследованием опубликованных в фельетоне «Пауки» фактов. Вот результаты этих расследований.

Владелец трех дачных строений в подмосковном поселке Отдых А. Г. Нагиев, работавший начальником отдела снабжения завода, с работы снят. И. о. секретаря партийного бюро завода тов. Петров сообщает: «Решением общего партийного собрания завода А. Г. Нагиев из членов КПСС исключен. Завкому предложено отменить свое решение о предоставлении жилой площади Нагиеву в доме завода».

В фельетоне описывался Г. Г. Нагиев, отец и «управляющий» дачами Нагиева-младшего. Г. Г. Нагиев привлекается к уголовной ответственности, по его делу ведется следствие.

Одну из дач Нагиевы сдавали под общежитие рабочих курсантов. Заместитель министра строительства электростанций СССР П. Непорожний информировал редакцию: «В результате проверки были установлены серьезные недостатки в учебно-производственной и финансово-хозяйственной деятельности курсов, а также в жилищно-коммунальном обслуживании учащихся, за что приказом по министерству директор курсов С. А. Зимин освобожден от занимаемой должности. Аренда помещений у частных лиц для проживания учащихся курсов с 1 августа прекращена».

Кроме того, С. А. Зимин привлекается прокуратурой Московской области к уголовной ответственности.

Секретарь Жуковского городского комитета КПСС тов. Старченко пишет в редакцию: «Вопрос о неправильных действиях начальника строительного треста № 1 Главмосблстроя А. И. Струкова обсужден на бюро Жуковского ГК КПСС. За незаконные действия, выразившиеся в том, что Струков, получив государственную квартиру, не отказался от полученного перед этим земельного участка под строи-

тельство жилого дома, получил государственную ссуду в размере четырех тысяч рублей и использовал ее не по назначению, а также за попустительство теще в разведении домашней птицы и торговле продуктами, полученными от нее, члену КПСС тов. Струкову А. И. объявлен строгий выговор с предупреждением».

Бюро ГК КПСС принял к сведению заявление Струкова об отказе от земельного участка. Жуковский ГК КПСС, городской Совет депутатов трудящихся и общественные организации строительного треста обратились с просьбой к Люберецкому райисполкому о выделении земельного участка, принадлежавшего Струкову, под строительство профилактория для рабочих треста. Одновременно тов. Старченко сообщает, что некоторые факты, упомянутые в фельетоне о А. И. Струкове, не подтвердились.

Фельетон «Пауки», в котором критиковался и начальник Мосгоржилуправления Д. Н. Смирнов, обсуждался на заседании бюро Свердловского районного комитета КПСС Москвы. «За непартийное поведение, — пишет в редакцию секретарь РК КПСС Н. Дымков, — выразившееся в использовании служебного положения при получении земельного участка и строительстве дачи, члену КПСС Д. Н. Смирнову объявлен выговор».

В журнале была опубликована фотография пяти дачных строений на участке бывшего заместителя прокурора Московской области Д. В. Белогура. Как сообщает секретарь Краснопресненского РК КПСС тов. Арефьева, «за непартийное поведение, выразившееся в проявлении частнокапиталистических тенденций при строительстве дачи и в незаконном получении ссуды на строительство в размере десяти тысяч рублей, Д. В. Белогуру объявлен строгий выговор с предупреждением».

Исполнительный комитет Московского областного Совета депутатов трудящихся на заседании 24 сентября принял специальное решение «О фактах грубого нарушения порядка пользования земельными участками, отведенными под индивидуальное строительство в поселке Кратово, Люберецкого района, указанных в фельетоне «Пауки».

Исполком Мособлсовета констатировал, что по его указанию исполком бывшего Раменского райсовета 14 ноября и 18 апреля 1958 года уже принимал решения об изъятии у А. Г. Нагиева незаконно захваченной части участка в 2 336 квадратных метров и сносе самовольно возведенных строений. «Од-

нако контроля за исполнением этого решения исполком райсовета не обеспечил, а Нагиев продолжал использовать как основное, так и самовольно возведенные строения в целях извлечения нетрудовых доходов».

Исполком Мособлсовета установил, что «А. И. Струкову в поселке Кратово был отведен земельный участок площадью в 1 750 квадратных метров под строительство дома. Фактически же Струков пользовался земельным участком площадью в 2 859 квадратных метров. Всю площадь участка Струков занял фруктовым садом».

В решении исполкома Мособлсовета восстанавливается и история возникновения пяти построек на участке Д. В. Белогура.

Исполком Мособлсовета решил:

«В связи с тем, что А. Г. Нагиев находящийся в пользовании земельный участок использовал в целях извлечения нетрудовых доходов, обязать исполком Люберецкого райсовета: изъять из пользования А. Г. Нагиева земельный участок и передать для использования под общественные нужды; снести самовольно возведенные А. Г. Нагиевым строения за его счет.

Отменить решение исполкома Раменского райсовета от 14 июня 1950 года о выделении Д. В. Белогуру земельного участка под индивидуальное жилищное строительство и обязать исполком Люберецкого райсовета снести незаконно возведенные Белогуром строения за его счет.

Учитывая заявление А. И. Струкова с просьбой об изъятии у него земельного участка в поселке Кратово, а также учитывая, что Струков нарушил все сроки освоения участка и до сих пор не построил предусмотренного проектом основного строения (жилого дома), обязать исполком Люберецкого райсовета произвести изъятие участка у Струкова, а незаконно возведенное подсобное строение (шлакобетонный дом) снести...»

Просить Президиум Верховного Совета РСФСР издать указ, предусматривающий изъятие индивидуальных жилых домов, владельцы которых, будучи обеспеченными государственной жилой площадью, используют принадлежащее им на правах личной собственности доминирующее в целях извлечения нетрудовых доходов».

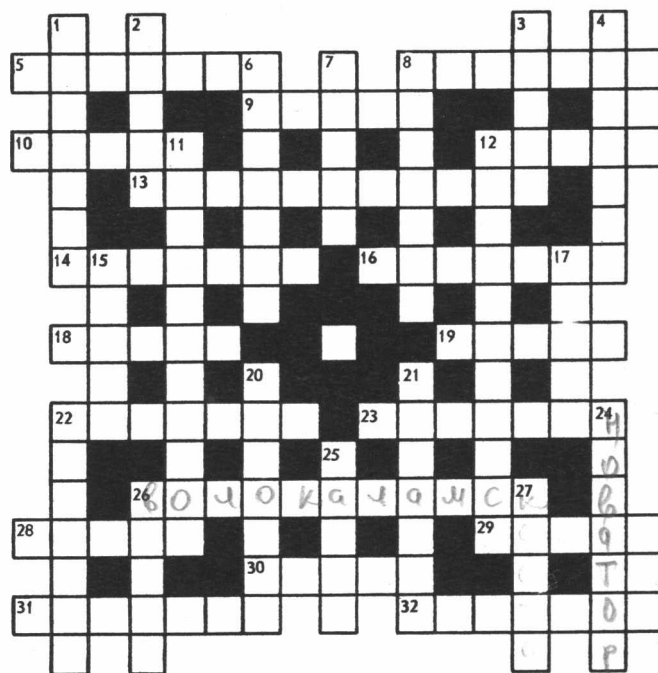
К сожалению, в фельетоне «Пауки» была допущена неточность в отношении бывшего работника «Метростроя» С. Р. Таубкина: под его дачей находится не персональное бетонное убежище, как писалось в фельетоне, а обычный погреб.

— У нас сегодня день прантики.

Рисунок В. Черникова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Средний уровень воды в реке. 8. Часть математики. 9. Стихотворение А. С. Пушкина. 10. Рытвина. 12. Герой греческой мифологии. 13. Птица семейства утиных. 14. Персонаж комедии В. Шекспира «Венецианский купец». 16. Гористая область в Греции. 18. Приток Ангары. 19. Заграждение. 22. Полет планера в восходящем потоке. 23. Командующий соединением кораблей. 26. Старинный город в Московской области. 28. Татарский народный поэт. 29. Иранская золотая монета. 30. Электрод. 31. Травянистое растение, медонос. 32. Комедия Н. В. Гоголя.

По вертикали:

1. Вид графики. 2. Западная часть Азовского моря. 3. Картина Т. Н. Яблонской. 4. Союзная республика. 6. Советский шахматист. 7. Минерал из группы гранатов. 8. Карликовое государство в Пиренеях. 11. Устройство для автоматического вождения морских судов. 12. Подводный пловец. 15. Ласточное животное. 17. Один из Ионических островов. 20. Сорт яблок. 21. Вечнозеленый кустарник. 22. Деталь автомобиля. 24. Творец нового, прогрессивного. 25. Руководитель крестьянского восстания XVIII века. 26. Болгарский писатель. 27. Подразделение граждан в древнем Риме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

5. Награда. 7. Арба. 8. Леер. 9. Пльзень. 10. «Кукла». 13. Саади. 18. Петит. 19. Марена. 20. Енисей. 21. Галун. 22. Манас. 25. Адрес. 27. Аэролит. 28. Парк. 29. Линь. 30. Септима.

По вертикали:

1. Анапа. 2. Признательность. 3. Гальс. 4. Трак. 6. Вена. 11. Украина. 12. Легенда. 14. «Архимед». 15. Деление. 16. Шпага. 17. Стенд. 23. Инас. 24. Саксе. 25. Атлас. 26. Ринк.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08817. Подписано к печати 14/X 1959 г. Формат бум. 70X108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1558. Заказ № 2357.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

*Открытка
подписка*

НА ШЕСТИТОМНОЕ ИЗДАНИЕ
"ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
1941 ★ 1945"

